

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮР ИСТЫ

ПРОДОЛЖЕНИЕ КНИГИ ЖУЛИКИ.
КНИГА 1

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Авантюристы. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43472781

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реально живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	60
Глава 5	72
Глава 6	86
Глава 7	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Глава 1

В течение следующей недели, отрезанный от Большой земли половодьем, стрелковый полк № 14, занимался, согласно утвержденному штабом расписанию боевой учебы.

На дополнительном уровне Мишке пришлось соорудить стрелковый тир размером с футбольное поле, на котором грохот выстрелов стоял с утра и до вечера.

Обещанные автоматы Мишка обнаружил на складах вооружения, законсервированные руководством войск НКВД и не успевшие ими воспользоваться по причине стремительного продвижения по территории СССР войск группы "Центр".

Просматривая документы Мозырского комплекса УРов, он к своей радости натолкнулся на эту информацию и удивился количеству ППШ заскладированному на одном из них.

Проверив с помощью Фили наличие их в реальности и переместив на остров, Мишка ходил между штабелями ящиков и хлопал по зеленым их бокам ладонью. Отдельно сложенные ящики с цинками патронными, громоздились еще одним терриконом, вселяя в него уверенность в завтрашнем дне полка.

Несколько дней ушло на выдачу автоматов и обучение личного состава неполной их разборке. Для этого автоматы

были выданы на руки и красноармейцы спали вместе с ними, положив рядом с собой. Потаскав его несколько суток, человек уже не мог себе представить, что можно быть без этого железа, которое по приказу всегда должно было находиться под рукой и разборку которого, нужно было осуществить в любом месте по команде командира. За столом, лежа в постели и даже в отхожем месте, которое не являлось исключением. Офицерам и сержантам так это нововведение руководства пришлось по душе, что они буквально замордовали этим упражнением рядовых: – К разборке автомата приступить! – постоянно слышалась тут и там команда, и лязг разбрасываемых деталей моментально раздавался следом за ней.

"Плохо, очень плохо. К сборке приступить". Все офицеры и сержанты, обеспеченные часами с секундной стрелкой, буквально загоняли личный состав, который уже дергался при их виде, но через три дня не укладывающихся в нормы не осталось совсем. Так же приказано было поступить и с каской, которую снимать разрешили только в умывальнике и переночевавшие пару ночей в "металлической шапке" люди настолько привыкали к ней, что когда ее разрешили снять, многие постоянно хватались за голову, ощущая нехватку чего-то на голове.

– Ну, ты, зверь, Мишка, мужики уже стонут от твоих драконовских мер.

– Тяжело в учении... – отмахнулся от Серегиного замеча-

ния Мишка, листающий совсекретную документацию УРов и внося в них нужные корректировки.— Как там весна?

— Залило все километров на пятьдесят. Только на лодках можно попасть на сушу.

— А что! Это идея. Пару сотен лодок резиновых, надувных и можно работать,— согласился Мишка.— Эту неделю пусть еще осваивают автомат. Стреляют в тире и отсыпаются, а на следующей начинаем воевать. Присмотри пару городков. С них и начнем. Вышибем из них гарнизоны немецкие, трофеями загрузимся. Концентрата конечно еще на полгода горохового хватит, но жевать только его скучно. Нужно разнообразить рацион. Ну и протащить всех через огонь. Это лучше всякого тира. Реальный бой я имею в виду. Посылай Филю на разведку. Сколько там фрицев?

Сергея выбрал поселок Ветрино и находящиеся рядом деревушки Ушачи и Кубличи. В этих населенных пунктах Вермахт расположил склады ГСМ и боеприпасов, и гарнизоны силами до батальона, усиленные минометными и пулеметными отдельными взводами.

Филя облетел все места дислокации, зафиксировав их на видео и в штабе составленная справка, по его материалам, давала полное представление для того, чтобы скрытно переместившись, нанести удары в наиболее уязвимые участки обороны, которых было превеликое множество. Немцы вообще не предполагая, что таковые будут, особенно и не озаботились тщательной проработкой обороны объектов. Огра-

ничившись несколькими постами и десятком пулеметных вышек. Были, конечно, и парные патрули, но эти больше сидели по избам, не желая месить весеннюю грязь и, офицеры Вермахта смотрели на это сквозь пальцы, справедливо полагая, что в этой распутице и грязи всем сейчас не до войны и стрельбы.

Как снег на голову, свалившиеся на деревни красноармейские батальоны, привели немцев в шок и сопротивления должного они не оказали, сбежав в окрестные леса и рассеявшись в панике по ним.

Склады захваченные оказались дивизионными и боеприпасы, на них обнаруженные, поставили в тупик руководство полка. Жалко было уничтожать даром доставшееся имущество. На несколько дней весь полк превратился в грузчиков и носильщиков, занимаясь такелажными работами. В соседнем леске, проверенном и очищенном от блуждающих по нему немцев, были вырыты хранилища для стрелкового вооружения, которое укладывали в ящиках рядами и, засыпав грунтом, тщательно маскировали. Склады ГСМ и артвооружения взорвали без сожаления. Ушачи и Кубличи, взятые без потерь, научили людей взаимодействию и, на третий день полк выдвинулся к городишку Ветрино, в котором по разведанным, находился гарнизон гораздо многочисленнее, к тому же усиленный сбежавшими из Ушачей и Кубличей немцами.

Ранним утром начали обстрел оккупантов из трофейных

минометов, приведя их в состояние паники, но взять городок так же быстро и без потерь не удалось. Немцы здесь разбежаться не подумали, заняв оборону и закопавшись в землю. Знаменитый лозунг.— "Лучше пять метров траншеи, чем два могилы", под которым воевал Вермахт, неукоснительно здесь был выполнен. Немцы оборонялись ожесточенно часа два, организованно отступив к Полоцку, только тогда, когда во фланг им ударил батальон майора Скворцова. Испугавшись окружения и полагая по интенсивности минометного обстрела, что на них движется регулярная часть Красной армии, немцы отошли, неся огромные потери, бросая технику и раненых.

Взятые в плен, в количестве до трехсот человек, стояли, понурившись, удивленно рассматривая охраняющих их красноармейцев.

— Что делать будем с пленными?— поинтересовался исполняющий обязанности комполка майор со смешной фамилией Хижбатак. Имя и отчество у него были обыкновенными, и Серега улыбнулся, вспомнив фамилию, назвал его по ним: — Василий Иванович, а что вы думаете?

— Чего тут думать? С оружием пришел на чужую землю, значит, тем самым себя вне законов поставил. Расстрелять сволочей. Не таскать же их за собой? Кормить, охранять. Откуда продукты и люди на это?

— А отпустить если?

— Ну, так они опять винтовки возьмут и, опять полу-

чим полноценного противника,— возразил Василий Иванович Хижбатак. — Ну и какой смысл тогда в войне этой? Вон наших ребят человек пятьдесят убитых. Кем? Ими. Раненых тоже человек сто. Как мы им объясним?

— Теперь ни как, но предупредите, чтобы в следующий раз пленных не брали.

— Рука кое у кого не поднимается в безоружного стрелять,— пояснил майор.

— Та-а-ак! Рука не поднимается у них. А нам что потом, взвод расстрельный, отмороженных на всю голову, организовывать? Полк построить и на глазах у всех немцев отпустить, без штанов. Пусть валят с голыми задами. Раз не смогли в бою застрелить, значит, и после боя это делать не будем. Но наказать нужно так, чтобы на всю жизнь запомнилось.

Полк построили, объявили решение командования, удивив красноармейцев им так, что никто даже возражать не стал, прикидывая на себе, что лучше — быть расстрелянным или отпущенным без штанов.

Все прошли через плен и все пожимали плечами, вспоминая это событие из своей жизни.

Немцы без штанов, сразу стали смешными и жалкими. Они испуганно сбивались в кучу и не хотели уходить из городка. Не веря, что их не пристрелят в спину. Пришлось гнать их прикладами автоматов до окраин и дать несколько очередей над головами, чтобы добавить энтузиазма.

И все же брели они, оглядываясь и прикрываясь руками

еще долго. Не веря, ожидая выстрелов в спину.

Ветрино порадовала продовольственными складами, тоже дивизионными. И полк снова превратился в грузчиков, неделю занимаясь перемещением консервных банок и мешков с крупами и мукой на остров. Часть продовольствия было решено раздать местному населению, которое с радостью приветствовало этот "военный коммунизм", растаскивая по домам тысячи килограммов фашистских армейских консервов.

Выдвинувшийся из Полоцка гренадерский полк Вермахта, встретили таким шквальным минометным обстрелом за пять километров до Ветрино, что немцы, двигавшиеся в ротных колоннах и понесшие значительные потери, вынуждены были отойти и затребовать подкрепления у командования. Доложив, что городишко Ветрино занят русской механизированной дивизией.

Распутица не позволила усилить полк, но вот Люфтваффе, использовав систему аэродромов-подскока, предприняли попытку нанести бомбовый удар по внезапно появившейся у них в тылу дивизии русских. Потеряв при этом три десятка бомбардировщиков на подлете к городку.

Бомбардировщики начали взрываться без видимой причины за несколько километров до места сброса бомб, разлетаясь огненными шарами и поражая летящие рядом машины, которые также детонировали и, эта цепочка охватывала эскадрилью в считанные секунды.

Командование Люфтваффе, получив сообщение о небывалых потерях над оккупированной территорией, зачесало в стриженных затылках и послало разведывательные Фокке-Вульф. FW-189 в количестве двух, которые попытались зайти на городок с севера и запада, но были сбиты на подлете и прояснить ситуацию не смогли. Посланные следом FW-190, в количестве звена, так же сгорели, не долетев до Ветрино. Сообщив по радио, что горят, падают и покидают машины.

Летчикам на парашютах удалось спастись и выйти к Полоцку. Где они сбивчиво пытались объяснить причину гибели машин, но ясности не добавили. Истребители были атакованы неизвестным немцам оружием, которое, как утверждали летчики, прожигало отверстия в фюзеляжах размером с футбольный мяч или отшибало крылья к чертям собачьим, заставляя самолеты мгновенно заваливаться вниз и падать неуправляемой кучей металла.

– Этот Сталин, мерзавец, воюет чем-то не известным, – орал в трубку командующий авиакорпусом в телефонную трубку, докладывая в Берлин самому Герингу обстановку.

– Сбито четыре десятка самолетов. Мы несем такие потери на фронте в течение трех месяцев. Здесь мы потеряли столько же техники за двое суток.

Геринг, выслушав доклад, запретил авиации летать над районом занятым русскими десантными полками. Так решено было обозначать появившиеся внезапно силы русских.

А "десантные полки", разобравшись с продскладами и пополнившись местными жителями, выдвинулись к Полоцку и взяли его сходу, охватив с трех сторон и обработав предварительно минометами с такой интенсивностью, что немцы предпочли спешно уйти, бросив все лишнее, мешающее и сковывающее мобильность.

После освобождения Полоцка, численность стрелкового полка увеличилась стремительно, раз в пять. Люди призывного возраста, шли, требуя оружие и получив трофейное, рвались в бой немедленно. Под контролем полка уже находился приличный район, который немецкие топографы спешно окрасили в красный цвет и, командование Вермахта вынуждено было снять с эшелонов, идущих на восток, несколько полнокровных дивизий, чтобы ликвидировать этот цвет на своих тыловых картах. Месяц апрель подходил к концу и весеннее солнце, просушив дороги, позволило немцам, перебросить в район "красный" эти силы, бросив на усиление двух пехотных дивизий танковый полк и два полка артиллерии. Люфтваффе, получил приказ, так же оказать содействие этой группировке и уже стояли с полными бомболюками бомбардировщики, ожидая команду на взлет. Однако выдвинувшиеся в район дивизии Вермахта, противника не обнаружили. Пустые деревушки и минные ловушки на дорогах, вот что получили они вместо настоящих боев, к которым готовились. Проторчав несколько дней, дивизии загрузились в транспорт и двинулись обратно. Вот тогда

они и были атакованы "полками десантными", напавшими внезапно надвигающихся в колоннах немцев. На всем протяжении одновременно. На десятке километров. Факелы горящих грузовиков, коптели апрельское небо и немцы, рассеянные по окрестностям, еще несколько дней нарывались на поисковые группы русских, неся огромные потери. Русские, знающие местность, появлялись внезапно. Уничтожали всех, безжалостно и уходили, собрав оружие и экипировку, сохранившую пригодность.

Две дивизии, танковый полк и два артополка были уничтожены с такой скоростью, что командующий группы Центр-Генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге не поверил докладу.

У него в голове не укладывалось, что такое может произойти в глубоком тылу. Однако голые факты – упрямая вещь и согласовав свои действия с руководством Рейха, Клюге принял решение использовать против "десантников" отведенную с фронта на переформирование и доукомплектовку личным составом, 2-ю полевую армию генерал-полковника Максимилиана фон Вейкса и 3-ю танковую группу под командованием генерал-полковника Германа Гота.

Немцы в течение двух недель мотались этими силами по обозначенному красным цветом квадрату, но не встретив ни одного русского десантника, вынуждены были покинуть район и вернуться в места прежней дислокации. Русские как сквозь землю провалились и объявились неделю

спустя, заняв десяток населенных пунктов, взорвав пару десятков километров железнодорожных путей и пустив при этом десяток эшелонов под откос. Со слов сумевших спастись немецких солдат и офицеров, командование группы армии "Центр" сделало вывод, что в районе действуют как минимум несколько дивизий "красных", которые чрезвычайно мобильны и способны перемещаться в течение суток на сотни километров. При этом, вооружены до зубов и безжалостно уничтожают противника, отказываясь брать солдат в плен. За весь месяц, с того времени как появились эти «десантники», зафиксирован всего один случай, когда ими было отпущено до батальона гренадеров, но почему-то без нижней части обмундирования.

На что намекали этим русские, было непонятно и командование Вермахта снова бросило 2-ю полевую и 3-ю танковую в "красный квадрат". На этот раз русские не захотели или не успели спрятаться, завязав оборонительные бои, на подступах к Полоцку. И стояли там несколько суток, отбивая атаки пехоты, поддерживаемой танками. На третьи сутки, оставив такое количество мин, что даже озадачив немецких саперов, русские исчезли и растворились в лесах, не оставив после себя ни одного убитого. Унесли с собой. А немцам пришлось двое суток ждать, пока саперы разминируют дороги и обозначат проходы. На вторые сутки, когда это было сделано и танковые колонны втянулись в проходы, минные поля вдруг сдетонировали, по непонятной причине и

смели технику с дорог. Превращая ее в груды горящего железа. Третья танковая понесла такие колоссальные потери, что узнавший о них генерал-полковник Герман Готт с расстройства застрелился в собственном штабе из наградного парабеллума. Оставив, правда, записку. В которой написал всего одно слово,— "Позор!!!"

А русские дивизии внезапно появились рядом с городом Пинск и, перебив находящийся в нем гарнизон, восстановили в нем на несколько дней Советскую власть. А затем почти две недели сдерживали натиск 2-ой полевой на подступах к этому городу, перемолачивая живую силу и технику немцев с такой эффективностью, что командование Вермахта вынуждено было отвести армию, преследуемую этими "десантниками", которые действуя в ночное время, трепали ее, истекающую кровью и отползающую на... восток. Проводив армию, чуть ли не до Минска и уменьшив ее численность до двух третей, "десантники" снова пропали, чтобы появиться через пару дней в Ельце и Мозыре, вырезая безжалостно в ночных атаках гарнизоны этих городов. Красный квадрат расплзался пятном, захватывая все новые и новые районы, в которые немецким маршевым частям рекомендовалось не соваться, обходя по возможности как можно быстрее. Железнодорожное движение также было парализовано и, на украинские ветки легла дополнительная нагрузка, превращая их в плотно забитую эшелонами, очередь. Ждущую и теряющую боевой дух.

Командование Вермахта, напрягая все силы, пыталось выправить сложившуюся неблагоприятную ситуацию, сняв еще несколько дивизий уже прямо с фронта и бросив их на прочесывание белорусских лесов.

Дивизии фронтовиков, выгруженные и загнанные в болотистые леса, несли потери, сравнимые с фронтовыми и, зверея, жгли белорусские деревушки десятками. Те пылали жаркими кострами, пустые, брошенные населением, а из леса дивизию обстреливали неуловимые партизаны, не вступающие в близкие столкновения и наносящие потери оккупантам такие ощутимые, что после двух недель таких "боев", от личного состава в живых осталось только процентов пятьдесят от изначального количества. Вынудив командование отвести их для отдыха и пополнения в... прифронтовую полосу. Немецкие солдаты мечтали о фронтовых землянках, в которых можно отоспаться, как о манне небесной и радовались, услышав канонаду, гремящую на линии фронта. Здесь им все было понятно и привычно. Не то, что в этих мокрых, мрачных лесах, в которых стреляют из-за каждого дерева.

А стрелковый полк №14, обрастая пополнением из местных жителей и военнопленных, освобождаемых из концлагерей, превращался по численности уже в армию. Полнокровную, хорошо вооруженную трофейным оружием и сковываемую только в перемещениях, разросшимся обозом.

Вновь организовываемые базы и лагеря, кипели от бьющей в них ключом жизни. Стучали топоры и вековые сосны

валились под их ударами, чтобы превратиться в землянки. Белоруссия уходила в лес, основательно, с крестьянской обстоятельностью обустроиваясь в нем. На года.

Назвавшись первым соединением, командование, состоящее уже из полковников и даже одного генерала, вышло на связь со Ставкой, доложив в Москву о своих победах, численности и вооружении.

Москва отреагировала незамедлительно, послав пару самолетов со своими представителями с инспекционными проверками и мешками орденов и петлиц с кубарями.

Стрелковый полк №14, являющийся зачинателем движения и сохранивший свой состав, исключительно обмундированный в соответствии с Уставом Красной армии, особенно понравился инспекторам-полковникам, которые засыпали в буквальном смысле его бойцов орденами и медалями. Вооруженный ППШ полк, построенный на огромной поляне, был удостоен ордена Ленина, а сорок его офицеров, сержантов и рядовых красноармейцев награждены званием Героя Советского Союза, по представленным спискам командования полка. Комполка Скворцов, в котором сейчас трудно было бы узнать того изможденного пленом "умирающего лебедя", получивший внеочередное звание полковника, как положено рявкнул, — "Служу трудовому народу" и провел полк мимо стоящих представителей Ставки, в ротных колоннах, демонстрируя великолепную выучку и вооружение.

Представители Ставки стояли, раскрыв рты. Таких бое-

способных полков им давненько не доводилось видеть в Красной армии.

К званию Героев были представлены и два капитана – Соболев и Руковишников. Оба посмертно. За два дня до прилета самолетов с Большой земли они погибли на глазах всего полка, взорвавшись на немецкой мине, установленной прямо на шаговой гати, очевидно, диверсантами... Тела капитанов из болота достать не удалось и, над местом их гибели были произведены прощальные залпы. Выстроившийся на берегу болота полк красноармейцев, не скрывал слез, вспоминая двух веселых парней, спасших их из фашистского плена и выдавших им оружие.

Глава 2

Вернувшись, Мишка с Серегой подвели итоги "командировки".

– Вроде бы сделали все как надо. Хвостов, за которые нужно было бы беспокоиться, не оставили, – удовлетворенно сделал вывод Мишка.

– Уход ты, конечно, обставил красиво, но звезды нужно было все же взять на память, – заметил Серега.

– Носить собрался? Можешь обратиться в архив Вооруженных сил и предъявить требование выдать, как родственнику героя. Или, как сам герой. Возраст, правда, несколько не соответствует. Ну, это мы подправим. Или давай в послевоенную страну Советов махни. В год 46-ой, например. Заявишься, предъявишь удостоверение, ну и получишь свою звездочку в лучшем виде. Если очень хочется.

– Да ну тебя. Просто столько там наворотили, и все вроде как за спасибо.

– А тебе почет и Славу подавай? Портреты в газетах на первых полосах, с описанием подвигов? Серега, не подозревал что в тебе столько честолюбия.

– Да нет нисколько на самом деле и носить я ничего не собираюсь, кроме крестика и медальона.

– Тогда закрыли тему и не возвращаемся к ней в дальнейшем. Помнишь Брежнева обвешанного орденами?

– Ну?

– Болезнь это. Возможно, что заразная. Тщеславием называется.

– Сравнил тоже. Где Брежнев Леня и где я!

– А где? Брежневу твои возможности и не снились. Забудь про звезды. Это не для нас. Хочешь, я тебе именной браслетик МЭ-шевский сооружу? Выграввирую с внутренней стороны что-нибудь эдакое, типа,– "Лучшему в мире Сереге".

– Хочу, конечно. Про лучшего в мире Серегу ты здорово придумал. Давай.

– Да не проблема. Получи,– Мишка протянул Сереге браслет и тот, убедившись, что надпись имеется, довольно нацепил его себе на кисть.

– Ты вот что мне объясни. Чего это ты там с Ивановым Иосифом Львовичем перед уходом целый час шушукался в канцелярии полковой? Выскочил он оттуда с глазами вытаращенными и мимо проскочил меня, даже не заметив. А потом на кухне чая выхлебал чайник. Чем это ты его в такой восторг привел?

– Да помог ему от амнезии вылечиться. Подсунул ему таблетку аскорбиновой кислоты и сказал, что это средство от амнезии. Ну, он схрумкал и все, что забыл, вспомнил. Вот от воспоминаний этих у него глаза и полезли на лоб.

– Что, очень впечатляющими такими оказались?

– Ну да. Он ведь и родителей своих вспомнил и фамилию свою и имя с отчеством.

– Погоди. Имя и отчество он и так знал.

– В том то и дело, что это не его имя и отчество. Он когда с сотрясением мозгов лежал, то рядом кто-то трепался, ну и прозвучало это сочетание имен в разговоре. А он решил, что это его позывные.

– Так! А настоящие, какими оказались?

– Настоящие – Йозеф Людвигович Онкель.

– Немец?

– Чистокровный. Мать арийских кровей – Клара, ну и отец само собой – Людвиг. Из поволжских переселенцев. Вот он и разволновался, вспомнив. Даже мне сначала говорить не хотел, за голову схватившись. А потом как зарычит, – "Я – немец!!! Как с этим жить теперь?" Еле успокоил беднягу. Уже и сам был не рад, что память ему вернул. Жил себе парень, евреем себя ощущая и горя не знал, а тут такой удар по самолюбию национальному. Кого ненавидел больше всего в жизни, тем вдруг и оказался. Можно понять его. Потом успокоился и говорит: – "То-то я удивлялся, откуда по-немецки умею разговаривать, как на русском почти. Даже думаю иногда немецкими фразами. А как же лицо?" – Спрашивает. Еврейское, дескать, абсолютно. Потом в зеркало минут десять его поразглядывал и пришел к выводу, что если заранее на него бирку не вешать, то сойдет за любое европейское, хоть за француза, хоть за итальянца. Уж не говоря об испанцах или греках там каких-нибудь. А глаза на выкате, у него были от голода. Вон у Гебельса, кстати, тоже Йозефа, глаза торчат

куда как круче. А уж эта сволочь-то, на все сто процентов вроде как ариец был. Посмотри на рожи руководителей Рейха. Тот же Гитлер. Если с него мундир содрать, усики сбрить, то морда лица тоже вполне может быть еврейской объявлена. Да я читал, что и есть у него кровь эта и в довольно больших процентах присутствовала. Мамуля его вроде бы как с одним банкиром евреем блудодейничала. А Адольф – плод этой любви. Он даже в Вене пытался, будучи студентиком, познакомиться со своей еврейской родней, но те его отшили и он обиделся. Сильно осерчал, и будто бы сказал:– "Я верну вас обратно в ваши пустыни сионские",– Такая вот информация.

– Значит Гитлер на 50% – еврей?

– Если верить этой информации, то да.

– И он своих гнобил?

– Ну, каких же своих? Он себя немцем считал 100% процентным. Национальность, Серега, это такая тема деликатная, что по возможности лучше в нее не лезть. И вообще самая непонятная – это русский. Прилагательное вроде бы, а не существительное. Недаром в народе присказка есть. "Папа – турок, мама – грек, а я русский человек. "Русский – это не национальность даже, а что-то гораздо большее что ли. Сопричастность земле, на которой он живет. Ну а вообще хорошо сказал один монах православный.– "Русский без Христа – это пугало для всего мира". Так что русский – это симбиоз сопричастности к земле, на которой живешь, плюс Хри-

стианство. Православное само собой. Православным может быть вообще-то человек любой национальности, но русский без православия – это и не русский никакой, а "пугало".

– А остальные национальности без Христа – не пугало?

– Остальным столько не дано, как русским. Столько земли, столько воды и воздуха. Пространства, в общем. Много дано, много и спрашивается.

– Ну, ты совсем из русских заложников каких-то сделал. Остальным, значит, что хочешь можно, а русский будь добр в Христианство крестись, иначе ты пугало. Так что ли?

– Нет. Не так. Просто тот, кто этого не принимает, переходит в разряд остальных, которым как ты говоришь все можно. "Много званых – да мало избранных". – Так Христос сказал.

– Ну и что тем, кто не избран делать?

– Избран или не избран, только Бог решает, после смерти человека. А что им делать? На Суде по-совести ответить, вот что.

– А Русским?

– А Русским настоящим, придется сразу ответить по заповедям и мытарства пройти. Не пройдешь если, то заляжешь с остальными до Страшного суда.

– А пройдешь если?

– Тогда в Рай и сразу как бы для Царствия небесного работать будешь.

– А что они там делают?

– Не знаю. Наверное, имеют возможность приходить сюда на Землю и помогать тем, кто в помощи нуждается. Богородица живет постоянно среди людей – это точно. Почему остальным так же не работать? Не так уж их много избранных-то. Всем хватает работы. Бесовщина вон всю Землю заполонила, а вот их-то 5555555555 числом. Маловато конечно на всех людей, но все же гораздо больше чем "избранных". И активные они – бесы эти. Так что каждый за десятерых суетится. Трудно их сдерживать, наверное. И все равно ты посмотри на людей. Некоторые уже и на людей не похожи. Не лица – рожи. Война, Серега, идет. Незримая, за каждого человека. Не только за русского, за любого.

– Наговорил страстей. Я теперь засыпать буду бояться. Подкрадутся бесы и душу зачернят, – усмехнулся Серега.

– Тебе-то чего бояться? Они на страстях, правда, человека разводят, но ты вроде устойчив относительно. Вон тщеславие, правда, выиграло, но это так – мелочь. Браслетик получил и успокоился. Так что, спи спокойно. Тем более с Аннушкой под боком. По домам? Что-то мне домой захотелось. По семье соскучился. Пацанов не видел, страшно подумать сколько. Ну и Катюшу само собой. Давай завтра ко мне с Аннушкой. Посидим в теплой, домашней обстановке. Все наши соберутся, думаю, если пригласить. Давно не собирались. Сейчас приду домой и попрошу Катюшку пироги поставить.

– Пироги? Так бы сразу и сказал. А то "теплая обстановка". Теплая обстановка без пирогов, что русский без Христа

– Пугало. Не для всего мира конечно, но для меня точно. А с Катюшиными пирогами, я себя сразу избранным ощущаю.

– Ладно "избранный", давай до завтра,– парни из "маза-ришарифки" "разбежались" по домам.

А на другой день все собрались в доме на набережной.

Катюша с Аннушкой суетились на кухне, запахом пирогов сводя с ума всех остальных. Серега довольно улыбался, приносиваясь:

– Представляешь сколько счастья сразу? Уха и пироги. Возвращаюсь вчера, а там такая вкуснотища. Чуть язык не проглотил. Хорошо, что я женился вовремя. Чуть из-под носа такое сокровище не увели.– сделал он вывод, косясь в сторону кухни.

– Ишь, ты, никак на глазах внучок то мудреет,– удивился Силиверстович.– Давайте-ка отчитайтесь о командировке, парни. Что там да как? У нас-то рутина. А вы прямо за всех, за нас подвиги совершаете. Или нет?

– Ну, какие там подвиги? По золотой звезде, правда, посмертно выдали,– проговорился Серега и Нина Андреевна сразу всполошилась:

– Что значит "посмертно"?

– Это значит, что Мишка не захотел звезды эти торжественно получать и сбежать предложил. Да еще обставил все так – будто нас в болото смыло.

– И зачем все это нужно было городить?– не понял Петр Павлович.– Получили бы, порадовали людей, да и ушли под

уважительным предлогом.

– Да, там из Ставки толпа начальства прилететь должна была, через два дня. С вопросами полезли бы гнилыми. Вот я и решил спектакль поставить, чтобы документы остались несомненные, а спросить было нельзя, у тех, кто вроде бы, как там,.. все организовал. Пусть бумажками шелестят. Их не расспросишь. Они круче, чем подлинные в том смысле, что настоящие не всегда соответствуют событиям и за уши притянуты потом. А наши "комар носа не подточит". Если написано что в 9.00 утверждена бумажка Верховным, то не в 8.59 или 9.01, а точно в 9.00. Он и сам это подтвердит, если память у него была такой, как ее расписывают. Говорят имена и отчества всех секретарей райкомов и генералов знал. А их если выстроить, то от Москвы до Китая колонна получится.

– Насчет колонны из секретарей и генералов, ты может быть и прав, а насчет памяти феноменальной я сомневаюсь, Петрович, – вставил реплику Академик. – Я наоборот читал, что с памятью у Сталина проблемы были, страдал выпадением фрагментами. И звонил среди ночи по несколько раз этим самым секретарям. Спал днем потом до обеда, а ночью всех теребил. Сидели эти секретари и генералы перепуганные у телефонов. Вдруг позвонит. Не высыпались само собой. А он позвонит и спросит, бывало: – Товарищ Иванов, – это не вас ошибочно репрессировали в 37-ом? Нет? Я вот что думаю, товарищ Иванов, ваш завод выпускает три тыся-

чи снарядов в сутки, нельзя ли выпускать на 10% больше? Можно? Трудно, но можно? Хорошо. Нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики. Правильно? Спокойной ночи, товарищ Иванов. И товарищ Иванов, постарев за эти пять минут разговора лет на десять, мчался в цеха, чтобы организовать работы в третью смену и завод начинал выпускать снаряды не на 10%, а на 20%-ть. Говорят на Урале, один эвакуированный завод, начал работать прямо под открытым небом в сорокаградусные морозы, а стены возводились вокруг уже потом. Три директора застрелились, пока вышел на запланированное количество продукции. Вот так и руководил Иосиф Виссарионович. "Нэзамэнимых у нас нэт" и "Кадры рэшают все" То есть кадры решают, но жалеть их не надо.

– Ну, он где-то прав был вообще-то. У нас если не погонять, то никто не зашевелится, да еще и разворуют все, что возможно. За примерами ходить далеко не надо. Вон эти, в Кремле сидящие. Полстраны уже разворовали. Такими темпами, если двигаться будут, то лет через десять подомнут под себя всю экономику и состояния у них будут миллиардов по пятьдесят у всех. Долларов само собой, – реплика принадлежала Петру Павловичу, и спорить с ним никто не стал. Только внуки, сидящие у него на коленях, раскрыв рты, вдруг радостно засмеялись чему-то своему и за ними следом и взрослые, не понимающие их веселья.

– Чего это они? – не понял Петр Павлович.

– А ты на себя в зеркало посмотри,– сунула ему под нос зеркало Нина Андреевна.– Глаза праведным гневом горят, зубами клацаешь. Хорошо, что не заплакали.

– Так это они надо мной смеются, паршивцы,– обиделся дед на внуков.– Забирай, старая, своих клоунов, не желаю общаться с ними.– И тут кто-то из близнецов, то ли Пашка, то ли Петька, протянул ручонки к нему и произнес вполне членораздельно: – Деда!– Петр Павлович услышав, что первое слово одного из внуков "Деда", дар речи потерял, и лицо его из притворно-сердитого сразу расплылось в довольной улыбке:

– Ага! Испугались. Заговорили. Деда. Вот, Мишка, пока ты там по командировкам целых пять минут болтался, де-тишки-то твои забывать тебя уже стали. У всех нормальных родителей "Папа и Мама" первое слово, а у ваших "Деда",– а Петька с Пашкой, вцепились в протянутые руки деда, повиснув на них своими ручонками, выдали по очереди сразу весь накопившийся словарный запас.

– Деда, баба, мама, папа, дядя.

– Ни фиги себе... разговорились,– удивился Серега.– Ты, Миш, их отличаешь? Который кто?

– Конечно!– уверенно заявил Мишка.– Который на Петьку откликается, тот Пашка. Хитрющий. А тот, который помалкивает, Петька. Тоже хитрющий.

– Откликается – хитрющий. Помалкивает – тоже. Что-то логики не вижу?

– Вот нарожай своих, тогда поймешь,– с видом умудренного жизнью старичка, заявил Мишка.

– Аннушка!– тут же заорал Серега и, та примчалась из кухни, вытирая руки полотенцем.

– Что?

– Срочно детишек требуют родственники нарожать,– сообщил ей Серега новость и Аннушка покраснев, принялась оправдываться:

– Сейчас некогда, пироги боюсь, подгорят. Потерпите чуток.

– Хорошо,– согласился Серега.– Скоро пригласите к столу? Я уже голодный как волк... минут пять.

– Скоро,– обрадовалась Аннушка.– Через пять минут просим всех за стол.

– Ну, что там, в Москве?– поинтересовался Мишка, взглянув на отца.

– Нормально в Москве,– ответил за него Силиверстович.– Я твою идею со спичками решил там тоже двинуть. Цех запустил. Народ с полок выметает товар со скоростью просто невероятной. А мы еще этикетки запустили с азбукой, так что народ их собирает. Сам видел у одного купчины в доме. Детишки сидят, и буквы по коробкам изучают. Еще зверушек всяких лепим. Экзотических. Я художника толкового нашел.

– Вот, а вы спрашиваете, чего Москва в 12-ом году выгорела дотла. Спичек потому что много было в каждом доме.

Поджигай – не хочу, – сделал вывод Серега.

– Не допустим. Команды пожарные организуем, – возразил ему Силиверстович.

– Много ты этими командами, едущими на телегах со стоведерными бочками, натушишь? Когда весь город запылывает? Даже французы сбежали от жары. Кислород же выгорал. Дышать было нечем.

– Доживем – увидим. Еще пятнадцать лет до пожара этого. Петька с Пашкой вырасти успеют к тому времени. По пятнадцать лет им уже будет, – сосчитал Силиверстович. – Вы в Питере тоже спички выпускаете и не боитесь, что выгорит столица империи?

– Столица империи норовит каменными домами застроиться. Они по триста лет простоят. Строят капитально. Вот хоть этот дом. Нужно и в Москве на камень народ агитировать. Заводиков пару, другую кирпичных построить на окраине и лепить кирпич сотнями тысяч. А пока его вручную лепят и дорог он, вот народ из дешевой древесины и горюдит себе халабуды, на которые без слез смотреть невозможно. Корявые, черные, с пузырями бычьими вместо стекол. И отапливаются по черному. Поэтому население чумазное ходит, как трубочисты.

– А что, правильно, – поддержал Мишку Силиверстович. – Обязательно пару заводов кирпичных открою. Пару десятков образцовых домишек построим и по дешевке продадим. А потом и местные подхватят инициативу. Вся Москва за-

гудит. Да за пятнадцать лет мы всю ее из деревянной в кирпичную превратим. Заводик стекольный свой тоже нужен. И цементный.

– Ну, цемент еще не изобретен, так что опять время опережаем.

– Ну и что? Со спичками не постеснялись, а почему с цементом нельзя?

– Да строй, Силиверстович. Кто против? Просто оттуда тебе тогда не вылезти вообще будет.

– Вас подключу. Вы же вроде бы разрулили ситуацию с этими ХЦХ-овинами не учтенными?

– Почти. Есть там несколько вопросов не закрытых, – Мишка выложил на стол браслет. – Вот в Мозырской комендатуре обнаружил в сейфе. Полноценный браслет МЭ. Откуда не понятно. Нужно выяснить. Там в сейфе я шкатулку малахитовую обнаружил и прихватил машинально. Открылась, однако, только с помощью браслета, а в ней вот он и лежал. Обычный правда, не эксклюзив, но все равно загадка эта мне не нравится. Нужно коменданта мозырского порасспросить.

– Ну, так и порасспросил бы? В чем дело? – спросил Петр Павлович.

– Не было его в это время там. В отпуск отбыл. А потом закрутились и я честно признаться, если, то забыл про него. Ну и форс-мажоров там – в 42-ом у нас очень много. Теперь только вроде в августе сможем появиться. Но откладывать "непонятки" эти на потом я бы не стал. Хотя могу справиться

и один. Серега вполне может присоединиться к вам.

– Ну, уж нет,– возразил Петр Павлович.– Без напарника в одиночку нельзя. Будем тут дергаться, если что...

Глава 3

В конце августа 1942-го года в окрестностях городка Мозыр, появились два полицейских. Они двигались верхом на лошадях и вид имели довольно беспечный. Одеты были в полевую форму Вермахта и только нарукавные повязки позволяли их идентифицировать, как представителей сил вспомогательных, а не основных. Оба были рядовыми и, пожалуй, если бы не великолепные лошади под ними, явно породистые, то ничем более внимание они бы не привлекали. А вот из-за лошадей их постоянно останавливали немецкие патрули, пытаясь ссадить и отправить дальше пешком.

Уж больно хороши были кони, вороной масти. И немцы, полагая, что "не по Сеньке шапка", очень удивлялись, увидев предъявленные документы, в которых черным по белому было написано, что предъявители сего – рядовые Иванов Иван и Сидоров Сидор, находятся при исполнении особо важной миссии, по распоряжению самого гяуляйлтера восточных оккупированных земель – Вильгельма фон Кубе.

Удостоверяющие этот факт бумаги были подписаны самим Кубе и немцы дисциплинированно отдавали честь, возвращая их.

– Задолбали они своими проверками на дорогах, – кривился Серега, которому досталась фамилия Сидоров. – Тебе, что в лом пальцами уже щелкнуть? Пусть ковыряются в носгах, а

не в документах, Иван Иванов.

– Ну, во-первых, у нас документы – броня. Во-вторых, лишний раз засветиться при таких документах может быть и хорошо. Пусть запомнят. Нам тут неизвестно, сколько времени болтаться придется.

– Чего тут болтаться? Отыщем этого коменданта, возьмем за жабры, вытрясем и назад.

– Твоими бы устами да мед пить. Во-первых, комендатуру я спалил. Во-вторых, этот комендант, хрен его знает как там его. Еще выяснить нужно фамилию. Ну, и в третьих, тут несколько раз партизаны порезвились. Может и нет его в живых уже... засранца.

– Партизаны интересно где? Ну, наши?

– Понятно где. В урочище сидят, как там его? Адрыйко вроде. Немцы все же сумели относительный контроль восстановить пока. Это ненадолго, но такой факт имел место. Даже движение железнодорожное было возобновлено. Из-за него весь сыр бор. Не пожалели сил, но загнали партизан в буреломные места и блокировали основные выходы из урочища. Сил, правда, пришлось отвлечь с фронта столько, что в Берлине за голову Адольф схватился и приказал все сжечь.

– Это что же выходит, мы виноваты в том, что эти козлы здесь свирепствуют?

– Эти козлы и без нас тут свирепствовали, просто без нас они дольше это делали безнаказанно, пока не обозлили население до предела. Мы чуть-чуть ускорили процесс. На

недельку другую.

– Ни фиги себе на недельку. Пару дивизий перемолотили,– Возмутился Серега явным преуменьшением их заслуг.

– А ты думаешь что больше? Вся война длилась всего четыре года неполных. Можно сосчитать, сколько немцев погибло, разделить и точно сказать, на сколько дней мы ускорили их разгром с точностью до секунды. Может быть, и на две недели претендовать не сможем.

На въезде в город их опять остановили для проверки документов на стационарном блокпосту.

Из караулки выглянул обер-лейтенант и махнул рукой в кожаной перчатке фельдфебелю, дотошно роющемуся в документах "подозрительных" русских: – Придержи!– обер-лейтенант выскочил в сверкающих сапогах и похлопывая прутиком по голенищу, направился к ним, рассматривая лошадей.

–Нафига мы их взяли?– пробурчал Серега, стоя рядом с Веркой.– Пешком бы быстрее дошли.

– Герр полицай, чем то недоволен?– тут же оскалился фельдфебель, на которого бумаги с подписью самого Кубе не произвели должного впечатления. Серега взглянул на него довольно не дружелюбно, но промолчал.

– Ты...– фельдфебель взглянул в ауйсвайс,– Сидор, есть глухой и тупица. Да. Ты думаль, что немецкий зольдат есть идиот? Найн. Ты ошибался,– блеснул познаниями в русском языке немец.

– Можешь не напрягаться, герр фельдфебель, мы знаем немецкий язык,– остановил его Мишка.

– О-о-о, русиш швайне, хрюкает по-немецки. Какая досадная неожиданность,– тут же отреагировал фельдфебель, а подошедший обер-лейтенант, потрепав по холке Лерку, спросил у него:

– Кто такие, куда направляются?

– Полицейские, герр обер-лейтенант. Куда направляются из документов не ясно. Имеют бумажку подписанную гяуляйтером.

– Понятно! Диверсанты явно!– сделал вывод обер-лейтенант и махнул рукой фельдфебелю.– Отвести в овраг и расстрелять.

Фельдфебель даже не удивился этому приказу и рявкнул, стоящим рядом двум караульным:

– Выполнять!– караульные скинули с плеч винтовки и, передернув затворы, махнули стволами: – Шнель.

– Герр обер-лейтенант, а вы не слишком спешите попасть на тот свет?– спросил Мишка, впервые сталкиваясь с явным превышением власти в самой дисциплинированной армии в мире. Вам, очевидно, скучно тут нести службу?

– Заткнись,– отреагировал обер-лейтенант.– Ты уже труп, а трупу положено молчать. Ведите!– махнул он рукой караульным и те размахнулись прикладами, чтобы указать направление, в котором следует двигаться "трупам".

– Ты сам нарвался. Я предупредил,– Мишка шелкнул

пальцами и сделал шаг в сторону. Караульный, с занесенным прикладом по инерции шагнул вперед, промахиваясь мимо его спины и приклад впечатался в плечо фельдфебеля, сбивая с ног. Второй караульный с таким же усердием приложился прикладом в грудь обер-лейтенанту, отбрасывая на стоящую за ним лошадь. Лошадь, однако, не пожелала, останавливать своим крупом падающего офицера, и отскочила в сторону, позволив ему растянуться во весь рост в дорожной пыли.

Оплошавшие караульные, растерянно смотрели на свое начальство, барахтающееся в пыли, забыв о "трупах" и виновато переминались с ноги на ногу. Обер-лейтенант, и фельдфебель вскочили на ноги одновременно, и почти хором, заорали:

– Свиньи косорукие. Стоять! Смирно!– караульные вытянулись, а начальство, свирепея от их тупости и покорности, принялось хлестать рядовых по рожам, забыв так же о "трупах".

– Ну, что поехали?– спросил Серега.– Им тут на долго хватит, махать кулаками и слюной брызгать. Принцип "домино", вижу, как всегда начался.

– погоди, сейчас расспросим этого гуся в сапогах про коменданта и поедем,– Мишка щелкнул опять пальцами и рявкнул таким командирским басом, что немцы от неожиданности замерли.

– Прекратить!– орал Мишка.– Идиоты! Смирно! Кре-

тины!— немцы как замороженные устали на взявшихся неизвестно откуда двух эсэсовцев в званиях штурмбанфюрера и гауптштурмфюрера.

Условные рефлексы, отшлифованные годами власти нацистов, на этот раз сработали, как нужно и вся четверка вытянулась, замерев и вытаращив глаза.

— Скотина!— орал Мишка.— Тряся обер-лейтенанта.— Ты на кого похож? Мерзавец! Где валялся, свинья? Позоришь нацию. Звание немецкого офицера. Великую Германию. Всем упор лежачь принят!— немцы послушно залегли. И Мишка начал отсчет размеренный и беспощадный, в своей теоретической бесконечности: — Раз, два, три... — досчитав до двадцати, Мишка пнул ногой хитрящего караульного-рядового, норовящего имитировать отжимание, поднятием только толстого зада.

Нагнувшись и сунув ему под нос ствол вальтера, Мишка продолжил счет: — Двадцать один, двадцать два... — на счете тридцать, имитировать начали уже все остальные и, пришлось разрешить им встать, чтобы популярно объяснить, как они не правы. Причем настолько, что расстреливать их будут прямо сейчас. Изъяв у караульных винтовки, автомат и пистолет, Мишка опять уложил их рожами в пыльную дорожку и заставил ползать вокруг караульного помещения наперегонки, пообещав отставшего пристрелить не медленно. Немцы продемонстрировали умение перемещаться по-пластунски с завидной скоростью. Извиваясь ящерицами, они

гребли локтями по пыльной дороге и с радостью заворачивали с нее на травку, растущую на обочине и вокруг караулки. На пятом круге стал сдавать обер-лейтенант, отвыкший ползать, в отличие от фельдфебеля и рядовых, которые сделали еще круг, догнали его и радостно зашуршали животами, обгоняя.

– Встать!– Мишка опять размахивал перед носами у немцев вальтером, особенно досталось, конечно же, обер-лейтенанту, как самому нерадивому.

– На кого похожи?– орал Мишка, обрывая погоны, плохо пришитые пуговицы и петлицы.– Это солдаты Великой Германии? Мерзавцы. В концлагере вам место. Сегодня же там будете,– после этих слов плохо стало обер-лейтенанту. Ноги у него подкосились и если бы не подхватившие его рядовые, то он бы сполз Мишке под ноги.

– И это офицер? Тряпка!!!– орал Мишка, сунув ствол прямо в аристократический нос обер-лейтенанта, приводя его в чувство.– Стоять, скотина!!!– обер-лейтенант с трясущейся челюстью, стоял, качаясь и придерживаясь за плечо солдата.

– Почему не приветствуете, проходящих мимо офицеров СС? Отвечать!!!

– Мы, мы не заметили вас, герр штурмбанфюрер!– взвыл обер-лейтенант.

– Не заметили? А кого ты только что приказал расстрелять? Разве не нас?– заорал Мишка, вклеив обер-лейтенанту оплеуху и до того наконец-то дошло, откуда вдруг появились

ЭСЭСОВЦЫ.

"То-то лошади у них какие... Переоделись!!!"— пронеслась паническая мысль в голове у обер-лейтенанта и он, упав на колени, зарыдал.

— А вам особое приглашение нужно?— рывкнул Мишка на остальных караульных и те послушно повалились на колени рядом с офицером, притворно всхлипывая.

— Не вижу искреннего раскаяния,— не понравилась Мишке мезансцена.— Не верю!!!— и отправил троицу лицемеров в очередной марш бросок по пластунски, вдоль дороги. Немцы послушно вихляли задами, уползая в бесконечность, потому что Мишка и не подумал их останавливать, отпустив в свободное ползание. Занялся обер-лейтенантом, которого пообещал расстрелять не сейчас, а чуток попозже.

— Значит для тебя, скотина, документы, подписанные гяуляйтером ничто?— махал Мишка у него перед носом бумагами, на изготовление которых у Сереги ушло без малого два часа. Обер-лейтенант, поднятый на ноги, и не имеющий возможности, на что либо опереться, трясся и отрицательно мотал головой.

— Из-за таких, как ты мы проиграем эту войну!— сделал вывод Мишка.— Кто комендант в городе?

— Гауптман Мольтке,— дрожащим голосом проблеял обер-лейтенант, оглядываясь в сторону уползающих в даль караульных.

— Давно он тут комендантствует?

– Ме-месяца два, герр штурмбанфюрер.

– Где предыдущий комендант?

– Предыдущий – лейтенант Зауэр, убит партизанами, – пролязгал зубами обер-лейтенант.

– Зауэр исполнял обязанности коменданта временно, замещая убывшего в отпуск. Кого?

– Не могу знать, герр штурмбанфюрер.

– Беспольный ты человек для СС тогда, – пригвоздил его Мишка и обер-лейтенант опять повалился на колени.

– Я выясню! – заорал он. – Немедленно!

– Без тебя обойдемся. По-пластунски, вслед за подчиненными, марш, – обер-лейтенант, почувствовав, что возможно ему удастся уползти от свалившихся на голову неприятностей, погреб следом за фельдфебелем и рядовыми, с энтузиазмом вызывающим искреннюю зависть.

– Сразу нужно было влезть в эту черную шкуру, – хмыкнул Серега, наблюдая, как удаляется пыльная задница немца. – Развел тут маскарад на уровне нижних чинов, да еще с лошадьми породистыми.

– Нормально все прокатывало. Просто нарвались на охломонов, привыкших уже к беспределу оккупационному. Зато дисциплину в рядах Вермахта подняли. Вон как гребут. Как ты думаешь, догонит он их?

– Вообще-то нет теоретически, но они ведь сволочи, доползут до ближайшего поворота и хрен дальше сдвинутся. Так что там их и догонит. Что с оружием делать будем?

– Пусть лежит. Вернутся ведь,– Мишка щелкнул пальцами, заменяя в винтовках и автомате все металлические детали на деревянные.– То-то радости будет у ребятишек, носить легко, стрелять ни в кого не надо,– улыбнулся он и, вспомнив про пистолет, проделал с ним ту же операцию.– Метаморфоза, однако.– Серега поднял одну из винтовок и, передернув затвор, удивленно посмотрел на вылетевший из казенника деревянный патрон.

– Классный муляж получился. Покрасить и хрен отличишь.

– Сейчас. Обойдутся. Пошли коменданта искать.

Комендатура оказалась, конечно же, в другом доме, вернее в двух домишках. Обгоревшие стены прежней так и стояли, чернея оконными проемами. Немцы разобрали кирпичную кладку местами, очевидно, для армейских нужд и теперь это здание выглядело уродливо и восстановлению не подлежащим. Проще разломать и построить заново.

Мишка с Серегой остановили лошадей у самого крыльца, с топчущимся рядом часовым, одного из домишек с переменным флагом над крыльцом и, не удостоив внимания вытянувшегося по стойке смирно немца, вошли в него.

Дом, очевидно, принадлежал раньше частному владельцу, т. е. был просто жилым, о чем свидетельствовал маленький коридорчик в два шага длиной, упирившийся в следующую дверь с огромной деревянной ручкой, прибитой наискосок. Мишка дернул за неё, и они оказались в помещении метров

тридцати по площади, уставленном столами и стульями.

За столами сидели чиновники в форме и перебирали, как положено чиновникам, хоть в форме, хоть в гражданской одежде, бумажки. Стучала машинка, лязгая кареткой и, немец с погонами гауптмана, без фуражки, лысый и толстый, как Виннипух, что-то диктовал машинисту, стучащему по клавишам.

Увидев вошедших эсэсовцев, толстяк переменился в лице. До этого оно у него было раздраженным, теперь же стало почтительно-испуганным. Швырнув на стол листы бумаги с рукописным текстом, он кинулся на встречу и, вскинув руку в нацистском приветствии, крикнул срывающимся от волнения голосом: – Хайль Гитлер.

Мишка, небрежно махнув рукой в ответ, принялся оглядывать помещение, а гауптман доложил:

– Комендант Мольтке.

– Скажите, гауптман, вы давно в этой дыре?– Мишка заметил сейф, стоящий в левом дальнем углу, тот самый, который он вскрыл в прошлый раз. Немцы его выбрасывать не стали, починив и используя по прямому назначению.

– Третий месяц, герр штурмбанфюрер.

– Очень хорошо. А кто тут был до вас?

– С февраля по май коменданта в городе не было, в связи с активно действующими в этом районе бандитскими большевистскими шайками. До этого обязанности коменданта временно исполнял лейтенант Зауэр. С середины января, до се-

редины февраля. В феврале он погиб от бандитской пули.

– А до Зауэра кто был комендантом в этом городке?

– До этого был опять я, герр штурмбанфюрер, – обрадовал Мишку гауптман.

– Вот это хорошо. Потому что у нас есть несколько вопросов к вам. Где вы, кстати, все это время находились с января по май?

– Сначала в отпуске по ранению, герр штурмбанфюрер, потом в резервной части. Ждал назначения и воевал с партизанами в составе 144-го полка.

– Ну что же, все сходится пока. Мы с вами не могли бы где-нибудь уединиться? Вопросы носят весьма конфиденциальный характер.

– К сожалению отдельного кабинета у меня нет, герр штурмбанфюрер. Прежде комендатура находилась в сгоревшем здании напротив. Оно гораздо больше нынешних и там было, где уединиться. Здесь такой возможности я вам предоставить, к сожалению, не имею возможности.

– Ну что же, значит, уединимся вне комендатуры. Прошу следовать за нами, – Мишка повернулся и вышел из комендатуры, в которой все замерло и не дышало. Писаря боялись помешать разговору столь высокопоставленных представителей войск СС и слушали разговор, затаив дыхание.

Гауптман, одев фуражку, и вытирая пот носовым платком, выскочил следом и подобострастно прогибаясь, засеменил рядом с ними.

– Вот, пожалуй, скамеечка вполне удобная для того чтобы присесть и неспешно, обстоятельно поговорить,– Мишка направился к скамейке из не крашеной доски на двух чурбанах, перекосившуюся у палисадника частного домишки. Палисадник зиял многочисленными прорехами, но когда-то, очевидно, был гордостью хозяина, аккуратно выпиленного на дощечках сердечки и квадратики.

– Садитесь, герр гауптман, и поведайте нам с гауптштурмфюрером, что это за шкатулка была у вас в сейфе, малахитовая в феврале этого года? Куда делась, а главное -откуда появилась?– "взял быка за рога" Мишка. Гауптман, присевший было, вскочил как ужаленный и уставился на него глазами полными ужаса.

– Я смотрю, герр гауптман, вопрос мой вас обрадовал несказанно. Даже челюсть затряслась. Ну-ка выкладывайте все от начала и до конца, если не хотите провести остатки своих дней в Дахау. Я могу вам это запросто устроить. Не сомневайтесь, голубчик,– Мишка положил руку на плечо гауптману и подмигнул ему так зловеще, что гауптман затрясся еще сильнее и выдавил из себя, заикаясь:

– Ккккаккк вы узззнали?

– Мы все знаем. Почти. Мелочи разве ускользают некоторые иногда. Вот вы нам и поможете устранить пробелы. А за содействие обещаю закрыть глаза на мелкие шалости и не привлекать вас в качестве ответчика по этому делу. Только в качестве свидетеля. Если проявите благоразумие.

– Я проявлю,– тут же сориентировался гауптман Мольтке. Коменданта затрясло неспроста, то, что он рассказал, сглаживая острые места, на сколько возможно, ставило его вне законов Рейха и вообще вне всяких законов.

– В октябре прошлого года, после взятия Минска, наш полк временно был расквартирован там,– начал Мольтке.– Ждали пополнения. Треть полка осталась после боев от границы. Я тогда командовал вторым батальоном, а лейтенант Зауэр первой ротой в этом батальоне. Офицеров не хватало.

Вот тогда-то бес и попутал,– вздохнул Мольтке, вытирая пот струящийся по лицу, дрожащей рукой.

– Это все Пауль Зауэр. Прибегает и докладывает, что grenадеры из его роты обнаружили в подвале склад с ящиками и, вскрыв, нашли там произведения искусств. Это большевики из музеев готовились вывезти и не успели. Заперли в подвале, а вход завалили мусором. Огромную кучу навалили всякой дряни. А в нее снаряд попал и так удачно ее в сторону смел, что дверь оказалась видна.

– Сколько ящиков было?– спросил Мишка.

– Два десятка. Точнее двадцать три. Разных размеров.

– Что было в ящиках?

– В основном фарфор и хрусталь. Посуда, герр штурмбан-фюрер?

– Куда дели посуду?

– Продали,– честно признался Мольтке.

– Кому это?

– Командующему второй воздушной. Вернее его адъютанту гауптману Кампферу. Дешево, очень дешево. Всего за сто тысяч марок, а там на миллионы. Музейные же вещи. Ну и там еще был ящик с разной мелочью. Канделябры, статуэтки там всякие и пара мушкетов в коробке дубовой. Это мы совсем за дешево отдали. Всего за 10-ть тысяч.

– Рейхсмарок?

– Да, – кивнул Мольтке.

– С Зауэром поделились, конечно, по братски?

– Разумеется. Он получил свои 20-ть процентов, как мы и договаривались. Пять тысяч марок.

– Что-то арифметика тут захромала у вас или я что-то не дослышал? Пять тысяч – это меньше пяти процентов от всей суммы, герр гауптман.

– Да, но Зауэр про это не знал. Сделку осуществил я и деньги получал приватно тоже я. Зачем ему столько денег? И потом, все равно погиб.

– Логично и резонно, а главное – справедливо. Значит, вы по-мародерствовали от души в Минске? – Мольтке потупился.

– Вас уже за это только полагается расстрелять перед строем или повесить другим в назидание, – Мольтке затрясся опять, но Мишка похлопал его по плечу и успокоил:

– Я обещал закрыть глаза на мелкие шалости. Рассказывайте дальше.

– Это почти все. Просто когда мы от ящиков этих избави-

лись, то оказалось что в них до нас порылись свиньи...

– И кто же это?

– Унтер-офицер Мюллер и рядовой Харникер.

– Ну, первый-то известная свинья, – кивнул Мишка. – Как попались свиньи?

– На них донес рядовой Винтер.

– Молодец. Вот радость-то была у всех в батальоне! И что он донес?

– Что они набили ранцы всякой всячиной. Ну, и этими камнями. Вы сказали шкатулка. Нет – это не шкатулки – это хорошо обработанные камни, монолитные – в количестве шести штук и служащие, очевидно, подставками или украшениями сами по себе. Резные, с фигурками затейливыми. Все одинаковые, как из-под штампа. Очень красиво.

– Шесть?

– Да, герр штурмбанфюрер. Одну я, как положено, отдал Зауэру, а пять взял себе.

– Ну да, не отдавать же рядовым.

– Их я наказал за мародерство.

– Как?

– Отправил с маршевой ротой на фронт. С первой же.

– Строго, но справедливо. Солдат должен воевать, а не ползать по подвалам в поисках спрятанных ценностей, чтобы набить ими свой ранец. Где камни?

– Продал все тому же Генриху Кампферу. Адьютанту командующего. Совсем дешево отдал. Всего за пятьдесят ты-

сяч.

– Да вы, я вижу, коммерсант, герр гауптман. Купи-продай.

– Только "продай", герр штурмбанфюрер.

– Ну да, я и забыл, что покупать вам нет надобности. Что было потом?

– Потом я сломал ногу, герр штурмбанфюрер и отбыл на лечение в Рейх. Это все.

– Сломали ногу? Где это?

– Здесь в Мозыре, в этой дыре. Отметили с Зауэром удачную сделку. Шел ночью, споткнулся...

– Упал, очнулся, гипс,— закончил за него Мишка.— Где-то я эту историю уже слышал? Фридрих?

– И я тоже. Там, правда, бриллианты потом у пострадавшего в этом гипсе оказались, а у вас что, герр гауптман?

– У меня только марки. Больше ничего,— искренне сознался Мольтке.— Немного золота трофейного. Пару часов, портсигар, две цепочки и четыре крестика церковных. А больше ничего не было.

– Молодец. Настоящий офицер Великой Германии. Пока остальные идиоты перлись в сторону Москвы, чтобы взять ее до холодов... Вы, я вижу, провели время гораздо с большей для себя пользой! Повезло вам, гауптман, что слово я дал, но признаюсь честно, что очень его не сдержать хочется. Прямо руки чешутся. Вы ограбили немецкий народ. Лишили его достояния, которое по праву победителя принадлежит ему, и присвоили себе. За это вешать нужно, чтобы

другим неповадно было. Я обещал и сдержу слово,— хлопнул Мишка опять по плечу, снова затрясшегося гауптмана.

— Но доложить по инстанции обязан. Тут уж не взыщите,— добавил он.— Честь имею, герр гауптман.

Мишка повернулся и двинулся в сторону лошадей у крыльца комендатуры, оставив гауптмана с открытым ртом и выпученными глазами у скамьи, на которую так никто и не присел за время разговора.

— Обрадовал ты его последним заявлением так, что пожалуй не переживет этой радости,— заметил Серега, вскакивая в седло.— Эй, часовой, почему нарушаем форму одежды? Где присланные командованием хромовые сапоги и лайковая куртка?— обратился он к гренадеру, топчущемуся при входе в комендатуру.

— Ничего такого нам не выдавали,— гаркнул, вытянувшийся рядовой.

— Может, вам и жалованье не выдают, которое по распоряжению фюрера увеличено до пятидесяти тысяч марок в месяц?— строго спросил его Серега.

— Не-е-ет,— сверкнул глазами возмущенно часовой.

— А вот, герр гауптман, заявляет, что все получено и выдано. Даже премия за взятие этого городка. В размере ста тысяч на солдатика получена.

— Сто тысяч!— ахнул рядовой, и ошалело затряс головой в каске.— Я и не видел столько никогда, герр штурмбанфюрер.

— Ну, значит, еще выдадут. Гауптман у вас человек чести,—

Сергея пришпорил Верку и даже не оглянулся на пистолетный выстрел, раздавшийся рядом со скамейкой. А часовой, уставившись на тело коменданта, раскинувшего руки у палисадника, загибал пальцы и шевелил губами, подсчитывая недовыплаченное ему жалование и премиальные. Сумма получалась такая огромная, что у рядового затряслись руки от алчности и, возмущения. Только что на его глазах, один из тех, кто его ограбил самым наглым образом, так же нагло и ушел от ответственности.

– Ничего...– бормотал часовой, снимая винтовку с натруженного плеча.– Разберемся. Фюрер бы одобрил. Даешь кровное!– рявкнул он и направился оповещать сослуживцев, которые наверняка тоже будут рады получить свое увеличенное жалование из сейфа комендатуры. Здоровенный сейф там стоящий часовой видел неоднократно и вскрыть его немедленно, вот задача номер один, которая заслонила все остальные, даже служебный долг. Часовой подошел к лежащему с пулевой пробойной в виске Мольтке и, плюнув на труп, перешагнул через него.

– Дерьмо,– возмущенно прошипел он.– Главное чтобы остальные не успели офицерики застрелиться. Вперед, Фриц.– и зашагал к домику, в котором разместился его родной третий взвод.

Родной третий, услышав новость от Фрица об увеличенном жаловании, премиальных, хромовых сапогах и кожаной лайковой куртке, повел себя предсказуемо правильно. С точ-

ки зрения Фрица. Возбужден до крайности и в тридцать глоток, потребовал торжества справедливости. Незамедлительно.

С точки же зрения командира взвода лейтенанта Розенмана, повел себя взвод не правильно, и лейтенант попытался парой зуботычин объяснить солдатом свою точку зрения, но не преуспел в этом. Взвод как с цепи сорвался, сбил лейтенанта с ног и выскочил на улицу, затаптывая его коваными сапогами. Причем каждый норовил лягнуть почувствительнее, и когда последний гренадер покинул дом, лейтенант остался лежать на полу с расквашенной физиономией и без сознания.

– Штурмбанфюрер врать не станет. Он с меня чуть шкуру не содрал, за нарушение формы одежды,– орал Фриц, остановившись у трупы коменданта.– А эта свинья, как услышала про то, что надо нам жалованье выдать, сразу пулю себе в висок... Вон! Я подсчитал – сто сорок девять тысяч мне недоплачено. А у меня семья. А всему батальону? Это же миллионов пятьдесят рейхсмарок.

– Даешь жалованье и довольствие!!!– заорали гренaдеры и несколько человек помчались с новостью по избам, будоража общественное сознание солдатских масс. Не прошло и пяти минут, как весь батальон уже клубился у комендатуры и требовал справедливости. Офицеров, пытавшихся урезонить солдат, обезоружили, настучав попутно по физиономиям и, выстроили в шеренгу у крыльца.

– За что кровь проливаем?– орал Фриц, багровея от негодования.– Офицеры-воры сговорились, все одна шайка-лейка. Долой!!!

– Выбрать Комитет батальона, ветеранов и разобраться самим. А этих мерзавцев под арест и в гестапо сдать,– выдвинул кто-то правильную идею и Комитет тут же был избран. Главой его поставили, конечно же, Фрица, как самого информированного.

– Фрица Тельмана главным,– орали его сослуживцы из третьего взвода.– Он парень честный.

Фриц, обличенный доверием товарищей, немедленно принялся осуществлять необходимые мероприятия, для того чтобы оправдать оказанное ему высокое доверие. Все писаря были немедленно вышвырнуты из комендатуры и поставлены в одну шеренгу с офицерами. Всего стояло, испуганно озираясь, человек десять офицеров и столько же писарей. А Фриц, размахивая конфискованным парабеллумом, мотался перед ними и орал:

– Мерзавцы, где наши деньги? У кого ключи от сейфа?

– У-у-у коменданта,– один из писарей, дрожащим пальцем ткнул в сторону лежащего Мольтке.

– Верно. У него должен быть. Братья, обыщите труп негодяя,– распорядился Фриц, входя во вкус. Неожиданно свалившаяся власть пьянила его и делала дерзким и самоуверенным.

Ключ у трупа изъяли и сейф вскрыли, но желаемых денег

там не обнаружили. Этот факт привел солдат в еще большую ярость.

– Где прячете?– подступал с пистолетом в руке к шеренге "коррупционеров" Фриц.

– Мы ничего не знаем ни о каких деньгах,– пролепетал один из писарей.

– Что?! Шаг вперед, марш,– писарь шагнул, и весь батальон со злобным удовлетворением обратил внимание на обувь этого негодяя. Негодяй был обут в новенькие хромовые сапоги.

Писарь только сегодня примерил обнову, которую заказал у местного сапожника, обеспечив его нужным количеством кожи. Вчера вечером он радовался как ребенок, наконец-то получив их. Настоящие офицерские сапоги. Первые в жизни, новенькие, блестящие. Не хуже чем у гауптмана. А теперь он готов был провалиться сквозь землю, проклиная ту минуту, когда ему пришла в голову эта идея с сапогами.

– Все видите?– трепал его Фриц Тельман, схватив за шкуру.– Что у тебя на ногах, мерзавец? А где наши? Обыскать личные вещи офицеров и писарей,– распорядился он и несколько солдат помчались в каптерку, за вещами арестованных. Вернулись они, волоча увесистые чемоданы и, швырнули их к ногам Фрица.

– Чей?– пнул, он первый попавшийся ногой.

– Мой,– признался писарь в хромовых сапогах и лицо его стало белее снега.

– А что это взбледнул?– оскалился Фриц.– Открывай.

Писарь послушно открыл чемодан, и батальон удивленно ахнул, увидев черную лайковую, лётную куртку. Мечту любого настоящего немца.

– Вот гад,– Фриц врезал писарю в челюсть, сшибая его с ног.– Проводим ревизию!!! Ищем остальное. Комендант не мог действовать один. Тут у всех рыло в пуху.

Гренадеры сноровисто расстелили плащ-палатку и вывернули на нее содержимое чемодана. Вывернули и ахнули, увидев две увесистые пачки марок, аккуратно перетянутые шпагатом.

– Сколько там?– вытянув шеи, спрашивали они у Фрица, который шустро пересчитывал банкноты.

– Сто тысяч,– отчитался он перед коллективом.

– И это у сраного писаришки? Сколько же тогда в офицерских чемоданах? – в офицерских чемоданах оказалось по разному. У кого-то ни сколько, а у одного обер-лейтенанта, которого, кстати, не оказалось в шеренге арестантов, нашли целый миллион.

Сумма эта ошеломила солдат и привела их в неистовство. Гренадеры трясли возмущенно винтовками над головами и требовали расстрелять негодяев немедленно.

– Братья!!!– орал Фриц.– Это очень мало! Где остальные деньги? Пусть сначала сознаются. Расстрелять всегда успеем,– он схватил крайнего в шеренге лейтенанта и вытолкнул его на середину.

– Даю пять минут времени, скотина. Говори где деньги, сапоги и куртки,– Фриц взглянул на экспроприированные у этого же лейтенанта полчаса назад часы и скомандовал:

– Первое отделение, третьего взвода, в одну шеренгу становись.

Гренадеры послушно выстроились.

– Оружие к но-ге!– приклады винтовок лязгнули по белорусской земле, и шеренга замерла, в ожидании дальнейших команд, главы солдатского комитета.

– Осталась минута,– постучал Фриц пальцем по циферблату.

– Я не знаю!– заорал лейтенант.– Я сам такой же, как вы. Всего два месяца как произведен. Вон мой чемодан, самый маленький и пустой. В нем пара носок и две книги.

– Верно,– раздалась реплика из толпы.– Фриц, это же Вильгельм из второй роты. Наш парень. Он там случайно. Отпусти его и часы верни парню.

– Точно? Ручаетесь за него?

– Ручаемся. Наш. Фронтная кость,– раздался голоса.

– Поверю. Свободен,– Фриц снял часы и вернул их лейтенанту.– Иди пока. Повезло тебе. Скажи солдатам спасибо,– лейтенант схватив часы, прыгнул в толпу солдат и затерялся в ней.

– Значит, с тебя начнем,– Фриц схватил за шиворот очередного "ворюгу" и вытолкал его вперед.

– Вопрос повторять не буду. Время пошло. Снимай ча-

сы,— подвернувшийся ему под руку обер-лейтенант, послушно снял часы и затравленно оглянулся на стоящих понуриив голову коллег по касте.

— Который твой сундук?— обер-лейтенант ткнул носком сапога в один из чемоданов. Фриц порылся в нем и извлек на всеобщее обозрение здоровенный мешок из кожи.

— Ну-ка что тут ты нам припас,— развязал тесемки Фриц и высыпал на плащ-палатку ювелирные изделия.

— О-о-о! Вот на что наши денежки пошли!— Фриц швырнул в лицо обер-лейтенанта пустой мешок и тот, поймав его заверещал:

— Это мое. Трофей. Я не знаю ни про какие деньги, которые вам якобы не доплатили. Убери свои грязные руки от моего лица,— последнюю фразу он произнес непосредственно обращаясь к Фрицу, который тряс перед его носом стволом пистолета.

— Время вышло,— взглянул тот на часы.— Взвод целься. Огонь,— громыхнул винтовочный залп и обер-лейтенант рухнул, отброшенный пулями на крыльцо комендатуры. Приводя своей нелепой смертью в панику, пока еще живых офицеров взбунтовавшегося батальона.

— Не дай Бог, увидеть немецкий бунт — осмысленный и аргументированный. И не менее жестокий поэтому, чем русский бессмысленный,— глубокомысленно изрек Серега, наблюдая за развернувшимися событиями у крыльца комендатуры с чердака соседнего дома. — Ты, я смотрю, "костяшку"

запуздырил удачно. Принцип "домино" сработал, просто завидки берут,— Мишка пил чай из термоса, сидя на патронном ящике, неизвестно как оказавшемся там. Слуховое окно позволяло во всех подробностях наблюдать за разворачивающейся драмой.

А гренадеры, возбужденные первой пролитой кровью и обнаруженным золотом, орали, потрясая оружием над головами.

Фриц, проявивший задатки неформального лидера, не догадывавшийся даже, что является однофамильцем главного коммуниста Германии, так как до этого дня политикой не интересовался, вошел во вкус, подтверждая правильность заявления вождя мирового пролетариата В.И.Ленина, что "Власть развращает. Абсолютная развращает абсолютно". Гремели залпы, и офицеры один за другим валились на крыльцо. Затем пришла очередь и писарей, которые падали на колени и верещали зайцами. Но визги и слезы эти не могли разжалобить суровые солдатские сердца.

— Я знаю, где деньги,— заорал вдруг писарь в хромовых сапогах.— Пообещайте, что не убьете, тогда скажу.

— Ишь, чего!— нахмурился сурово Фриц Тельман.— Говори, иначе не расстреляем, а повесим.

Перспектива быть повешенным показалась писарю гораздо худшей, и он высказал предположение, что деньги в личных вещах коменданта, которые досмотреть забыли по той причине, что находятся они в отдельном помещении. В до-

ме, где квартирует комендант.

– Квартировал, – поправился писарь. Несколько солдат тут же помчались в этот домик и примчались обратно с увесистыми чемоданищами в руках. Всего их было пять и, нести каждый пришлось вдвоем, взявшись за углы.

Глава 4

Досмотр личных вещей покойного коменданта, опять привел солдат в крайнее возбуждение. Мольтке не брезговал ничем. Чего у него только в чемоданах не было. Ювелирные изделия и в гораздо больших количествах, чем у /теперь так же покойного/ обер-лейтенанта. Отрезы ткани, меха и различные изделия из них. Солдаты чесали затылки под касками, рассматривая очередную вещь, извлекаемую из чемоданов.

– Вот гад, пол-России скупил на наши денежки,– ворчали ветераны с многочисленными нашивками за ранения на рукавах.– Жаль, что застрелиться успел. Повесить его нужно было, морду лысую.

Денег, однако, у гауптмана в чемоданах обнаружено в больших количествах не было.

– Ну и сколько всего насобиралось?– требовали подвести окончательный итог гренадеры.

Среди них нашлись несколько человек разбиравшихся в ювелирке, и теперь они сидели рядом с кучкой изделий из драгметаллов, производя их примерную оценку. Миллион двести пятьдесят четыре марки двадцать пфенигов,– отчитался Фриц перед товарищами.

– Это примерно по 50-т тысяч на брата,– разочарованно прикинул кто-то.– Где еще тридцать миллионов марок?

– Отправили в Фатерланд, мерзавцы,– высказал кто-то предположение.– Городок-то, когда уже у партизан отбили. Вот премии и не хватает за взятие.

– Плохо ищем,– высказал кто-то мнение.– Где этот обер-лейтенант, у которого деньжищ оказалось больше всех?

– На шлагбауме стоит,– сообщил кто то.

– Сюда его немедленно,– распорядился Фриц Тельман, и отделение гренадеров помчалось в сторону блокпоста.

Обер-лейтенанта они приволокли минут через двадцать, нещадно пиная и подгоняя прикладами. Следом тащились фельдфебель и двое рядовых, не понимая, что происходит и почему арестовали, избивая офицера.

Их быстро поставили в известность, ткнув пальцем в труп коменданта, расстрелянных офицеров и кучу конфискованных ценностей. И глаза солдат, только что сочувственно поглядывавших на обер-лейтенанта тут же заволокло классовым антагонизмом.

– У, гниды,– высказал общее мнение фельдфебель.

– Старый знакомый,– кивнул Серега в сторону избитого солдатами обер-лейтенанта.– Догнал своих гавриков. Я же говорил, что доползут до поворота и все.

– Тебе не кажется, что как то вяло события развиваются? Динамики маловато, экспрессии.

– Добавить хочешь?

– Иногда нужно,– Мишка щелкнул пальцами и перед комендатурой обер-лейтенант тут же вспомнил, что припрятал

кое-что в погребке того дома, в котором встал на постой.

Это "кое-что" оказалось двумя здоровенными тюками из кожи, в которых были обнаружены недостающие средства в виде рейхсмарок. Вспомнил обер – лейтенант и о трехстах парах сапог и трехстах куртках, извлеченных с чердака комендантского домика.

– Ну, ты добавил экспрессии. Вижу, даже погоны на куртки присобачить не забыл. Представляешь, что теперь будет?– усмехнулся Серега, рассматривая куртки в бинокль.

А обер-лейтенант вспоминал и вспоминал. Куча перед крыльцом росла и, более всего солдат поразил чемодан битком набитый английским фунтами стерлингов. Английская королева, смотрела с них на немцев высокомерно, бессовестными глазами.

– Вот суки!!! Они и английскими деньгами уже запаслись,– взвыл кто-то, и остальные подхватили.

– Суки. Вот суки продажные. Измена офицерская. Родину продали. Бедная Германия.

А Фриц уже составил ведомость и по ней начал выдавать утаенное ворами в погонах денежное довольствие. Довольные гренадеры с удовольствием ставили свои подписи и, прихватив вместе с деньгами часть оплаты вещами и ювелирными изделиями, отходили в сторону, распахивая, внезапно свалившееся на них богатство, по ранцам. Какова же была их радость, когда обер-лейтенант вдруг вспомнил, что на продовольственном складе, в амбаре есть несколько ящиков

русской водки и пара бочек сала.

– Что же ты, гад, раньше молчал,– Фриц возмущенно ткнул обер – лейтенанта в челюсть.– Да за такое не только что повесить или расстрелять, а на кол посадить мало. У русских так я, слышал, казнят.

– Как это на кол?– заинтересовались любознательные гренадеры.

– Задницей голой на острый кол. Вот как этот,– Фриц махнул рукой в сторону соседнего домишки, с разрушенной крышей и разбросанным забором. От него остались только несколько остро оструганных, почерневших столбиков.

– Это же больно!– возмутился обер-лейтенант.

– Ничего. Мы его салом натрем. Скользнешь и не заметишь,– весело подмигнул офицеру Фриц. И заржал, довольный своим остроумием.– Давай, братцы, за русским шнапсом и салом. Эх, отметим сейчас!

Русский шнапс – сиречь водка, оказался в деревянных ящиках в количестве пятнадцати штук. По двадцать бутылок в каждом, что привело немцев в совершенный восторг. Сало же засоленное в бочках, привело их в восторг не меньший.

– Молчал мерзавец, как партизан. Правильно Фриц сказал на кол его,– высказал кто-то общее мнение. И не успел Фриц опомниться, как его родное отделение, родного взвода, схватив обер-лейтенанта и шмат сала, поволокло его, под улюлюканье остального коллектива, к указанному колу.

Обер-лейтенант вырывался, а Фриц пытался остановить

товарищей, объясняя, что пошутил насчет кола и что, кажется, даже русские давно уже отказались сажать своих преступников на них задницами. Но ни Фрица, ни обер-лейтенанта, ни кто слушать не стал. Ситуация, что называется, вышла из-под контроля. Поэтому через пять минут злосчастный офицер уже тужился на колу, выпучив глаза и размахивая руками. Он хрипел, пуская кровавые пузыри и хватал себя за заголенные бока, пытаясь задержать соскальзывание организма по скользкому дереву, но от резких движений только ускорял процесс, опускаясь все ниже и ниже. Фрицу стало жаль беднягу, и он выстрелом в лоб прекратил его мучения, вызвав недовольство у сослуживцев.

– Зря ты это, Фриц. Пусть бы помучился,– выразил кто-то общее мнение.– Вон они, что с нами сотворили. Обворовали. На нашей кровушке жирели. Столько денег прикарманили. А тебе их жалко?

– Нет. Просто смотреть противно и пить мешает,– оправдывался Фриц.– Наливай.

Водка полилась в солдатские кружки и через полчаса трезвого найти в батальоне вряд ли уже было можно. Солдаты отрывались от души. И веселье продолжилось далеко за полночь. Угомонились многие только с первыми петухами.

А утром с похмельем пришло и трезвое осознание того, что они сотворили. Немцы ходили мрачные, стараясь не глядеть друг на друга, с содроганием косясь на обер-лейтенанта, сидящего на колу и, на остальных расстрелянных офицеров,

сваленных в кучу у крыльца комендатуры.

Члены выбранного комитета собрались у дома с резным палисадником и, усевшись на скамье, совещались. Вернее угрюмо курили, уставясь под ноги.

– Что делать?– задал вопрос всем, здоровенный, рыжий фельдфебель, не догадываясь, что этот вопрос в России во все времена был и будет самым актуальным. Для тех, кто в ней жил, живет и будет жить. А также для тех, кто в нее попадает.

Угрюмое молчание было ответом, и только Фриц, сплюнул тягучую похмельную слюну и рывкнул:

– Сами они виноваты,– так же, не подозревая, что в отличие от русских, которые постоянно ищут виновных в собственных несчастьях, нашел ответ на второй извечно русский вопрос.

– Да. Они конечно суки, но что теперь нам делать? Может послать в штаб полка делегацию и все там рассказать, как было?

– Конечно. Только все равно зачинщиков арестуют и повесят,– вздохнул Фриц.– А зачинщики кто?

– Кто?

– Мы. Докажи, попробуй в гестапо, что нас просто выбрали.

– А кто стрелять в офицеров приказал?

– Ну, я. А кто орал расстрелять? Все. "Что делать, что делать". Бежать. Вон там, сколько валюты английской. Делим

и деру.

– Куда?

– В Швейцарию,– буркнул Фриц.

– Ты знаешь, в какую это сторону?

– Куда-то туда,– махнул рукой Фриц на север.

– Вот на Урал и выйдешь. В лапы большевикам.

– Значит, ты поведешь, раз грамотный такой,– проворчал

Фриц.

– Я бежать не собираюсь. У меня семья в Гамбурге. Я не хочу, чтобы она пострадала,– завелся тут же рыжий фельдфебель.

– Так предлагай тогда что-нибудь. Мямлишь тут.

– Я не мямлю. Я спрашиваю.

– А я отвечаю. Сами они суки виноваты.

– В гестапо так тоже ответишь?

– Отвечу,– решительно гаркнул Фриц.– Раз уж вы меня главой комитета солдатского выбрали, значит, слушай мою команду. Нам нужно, во-первых, привести себя в порядок. Во-вторых, послать представителей в полк, но не в штаб, а к солдатам и рассказать им про увеличение жалования. Интересно они там как, получают или нет? А потом, в походной колонне, выступить в направлении Гомеля, а уж там, в полку разберемся, что к чему. Что делать, решим на месте.

Но собраться и уйти батальон не успел. Вчера в эйфории и разгоревшихся страстях все забыли об избитом лейтенанте, брошенном на затоптанном полу. А он полночи шел и до-

шел...

Узнав о мятеже, поднятом солдатами в Мозырском гарнизоне, командир полка оберст Бурман, отказывался верить своим ушам, но лейтенант бил себя гулко в тощую грудь и демонстрировал побои на лице.

– Причина? Какая?

– Кто-то распустил провокационный слух, что Фюрер увеличил жалование рядовому составу до 50-ти тысяч вот они и взбеленились. И там еще почему-то комендант Мольтке застрелился. Или застрелили. Я сам не видел, – лейтенант облизывал разбитые губы.

– А что ты вообще видел?

– Последнее что я видел – это каблук кованный солдатский. Потом полз по огородам. Там картофельная ботва замечательная в этом году уродилась. Дождливый июль стоял потому что.

– Ботва? Какая ботва? – командир полка схватился за голову. – Идиот!!! Кругом одни идиоты!!!

Полк был поднят по тревоге, погружен в автотранспорт и выдвинулся из Гомеля. Полковник задействовал приданные полку также два батальона украинцев из вновь сформированной дивизии "Галичина", которых почему-то командование экипировала в полевую форму СС, переводя им эту аббревиатуру, как "Сечевые стрельцы".

Поднятые по тревоге посреди ночи, солдаты, молчали, недоуменно поглядывая на офицеров и полагая, что их сно-

ва привлекают для прочесывания лесов.

Прочесывания эти особенно интенсивно применявшиеся командованием весной, запомнились им одной своей неприятной особенностью. Чаще всего они не видели противника, который норовил обстрелять и скрытно отойти. Неся потери соотносимые с потерями на фронте, но не видя врага, солдаты очень не любили такую "неправильную" войну.

Однако в этот раз, солдатское чутье подсказывало, что что-то не совсем так, как обычно бывает. О прочесывании лесных массивов обычно говорилось открыто. Задача ставилась четко и сразу. Сейчас же командиры молчали, настороженно поглядывая на своих подчиненных. Офицеры уже были в курсе, что взбунтовался батальон в Мозыре, но ставить об этом в известность рядовой состав не спешили.

Оберст Бурман сидел, нахохлившись в командирском БТР-е, и что-то невнятно бормотал себе под нос.

Водитель переключил скорость и прислушался.

"Мольтке, проклятье какое-то над фамилией висит. В феврале братца в ключья в Барановичах. Теперь этот здесь на пулю нарвался", – бормотал оберст.

– Кого в ключья, герр оберст? – спросил водитель и почесал любопытный нос.

– Не твое дело. На дорогу смотри, кретин, – рыкнул на него оберст. – "Проклятая привычка", – плюнул он в окно. – «А все контузия эта проклятая, мина в двух шагах рванула, чудом жив остался тогда под Смоленском. Месяца два вообще ни

черта не слышал, записки писать приходилось. Будь все проклято! И отпуск не дали. Отлежался в Минске и в резерв. Что за подлая судьба? Однокашники уже все в генералах давно, один я болтаюсь, как дерьмо в проруби. Завыть в пору. Еще эти ослы из первого батальона со своим бунтом. Главное вовремя. Пятьдесят тысяч марок рядовому... Хм. Это сколько же тогда командиру полка? Миллион? Эх! Идиоты!!!»

– Так точно, герр оберст – идиоты. Если каждому по пятьдесят тысяч платить, то леса не хватит на банкноты, – согласился с ним водитель. – А если еще и офицерам по миллиону, то всю Россию до Владивостока придется выпилить.

– Заткнись, – зашипел на водителя оберст, поняв, что опять думает вслух.

– Слушаюсь, – водитель испуганно покосился на оберста, схватившегося рукой за челюсть.

Колонна грузовиков, выехавшая из Гомеля до восхода, медленно, но неотвратно приближалась к Мозыру.

Мишка с Серегой, переночевавшие там же на чердаке домика, брошенного хозяевами и не занятого немцами, узнали о приближении колонны от Фили, посланного с облетом вокруг городка.

– Сколько, сколько их там?

– Всего сорок автомашин, пятнадцать БТР-ов и взвод мотоциклистов на девяти мотоциклах. Впереди колонны пылят.

– Быстро отреагировали. Интересно как узнали? – удивил-

ся Серега.

– Лейтенанту Розенману удалось сбежать. Он и доложил командованию полка, – Филя сидел на стропиле и посверкивал бусинками глаз.

– Когда же он успел? Далеко же?

– Повезло ему, оказия подвернулась. Доехал на попутном транспорте, – объяснил Филя скорость перемещения лейтенанта.

– Задавят! Сходу! – предположил Серега.

– Сходу не получится. Придержим слегка, – Мишка прошелся по чердаку и, остановившись с той стороны, откуда должна подойти колонна, прорезал в кровле аккуратное отверстие "Перфом".

Достал бинокль и принялся рассматривать окраины городка и подступы к нему.

– Овражек там имеется с мостиком. Уроним.

А через мосток уже тарахтели мотоциклисты.

– Пропускаем и роняем, – Мишка улыбнулся, наблюдая, как сползает край мостика в овраг, делая продвижение дальнейшее невозможным.

А на площади перед комендатурой тем временем шел митинг. Фриц, забравшийся с ногами на скамейку, кричал, размахивая снятой каской.

– Братья. Мы должны держаться вместе и тогда только нас станут слушать. Иначе расстреляют всех, вот за этих свиней, которые нас же и обкрадывали. наших же братьев пошлют.

А они не знают о приказе Фюрера и будут стрелять. Нужно занять оборону и никого не пускать в населенный пункт, пока мы не переговорим с солдатами и не объясним им, за что мы тут своих воров – офицериков наказали.

– Правильно. Занять оборону и переговорить, – поддержали его солдатские массы.

– Нужно выбрать командиров взводов и рот. Временно исполняющих обязанности. Обойдемся без офицера продажного, – продолжал надрываться Фриц Тельман.

– Обойдемся!!! Правильно!!! Выбрать!!!

– Батальон! Поротно становись! – заорал Фриц и немцы дисциплинированно разбежались на свои привычные места. Ежедневные построения здесь на площади, сыграли свою положительную роль.

Солдаты выстроились, без дублирующих команд отсутствующих офицеров, доказав, что они не тупая скотина, а думающая.

– Выбрать комвзводов из унтер-офицеров. Приступить! – скомандовал Фриц и из строя через пару минут шагнули девять свежееиспеченных командиров взвода.

– Командирам взводов, к своим обязанностям приступить, – скомандовал Фриц и в этот момент на площадь медленно вкатился взвод мотоциклистов.

Глава 5

Мотоциклы выскочили перед выстроившимся первым мятежным батальоном и, развернувшись, утавили в него пламегасителями пулеметов МГ.

Двигатели чихнули и заглохли. И в этой тишине, внезапно наступившей, слышно было, как полощется над коньком крыши комендатуры флаг со свастикой, развеваемый легким августовским ветерком.

С первого мотоцикла, соскочил из-за спины водителя лейтенант и, сделав несколько шагов, остановился, заложив руки за спину, недоуменно оглядывая строй.

Офицера удивила форма одежды стоящих солдат. В хромовых сапогах и в черных куртках они являли, по его мнению, нелепейшее зрелище.

– Что здесь происходит?– спросил он и стоящий от него в десятке шагов Фриц ответил быстро, но слегка бестолково от волнения вдруг его охватившего.

– Здесь, герр лейтенант, построение батальона. Так что,.. стоим.

– Вижу, что не лежите,– оборвал его лейтенант.– Я спрашиваю, что это за маскарад?

– Это не маскарад, герр лейтенант. Это приказ Фюрера. Новая форма одежды для рядового состава Вермахта,– возразил ему Фриц, набираясь решимости.

– Что? Какого Фюрера?– растерялся лейтенант.– Где офицеры?

– Нашего. Адольфа Гитлера. А офицеров мы расстреляли, за саботаж этого приказа.

– Что-о-о? Как это расстреляли? Всех?

– Нет. Один убежал.

– За что расстреляли? По чьему приказу?– вытаращил глаза лейтенант и потянулся к кобуре.

– За саботаж и воровство казенных средств, отпущенных на выплату жалования рядовому составу. Без приказа расстреляли. По совести. Вы, герр лейтенант, руку от кобуры держите подальше, парни взвинчены и могут неправильно понять. Вот так. Командир первого взвода, первой роты, временно нейтрализуйте лейтенанта, а братьям мы сейчас объясним в чем тут дело,– унтер офицер первого взвода, первой роты, скомандовал и взвод, разбежавшись на отделения, выстроился вокруг лейтенанта, взяв его на прицел.

– Сдайте оружие, герр лейтенант.

– Чт-о-о-о! Как это сдайте? Кому? Тебе унтер?

– Мне, герр лейтенант,– кивнул унтер и ловко выхватил из кобуры лейтенанта пистолет.

– Да вы все под суд пойдете за это. Одумайтесь, идиоты. В концентрационный лагерь захотели?– возмутился лейтенант, пробуя вразумить солдат.

– Молчать!– вдруг рявкнул на него унтер.– Может меня и концлагерь ждет, но тебя, шкура, я на прощанье обязатель-

но пристрелю, чтобы не так обидно было баланду лагерную хлебать.

Лейтенант опешил от такого нарушения уставной субординации и, повернувшись к своему взводу, скомандовал:

– Пулеметчики, по врагам нации огонь!– однако пулеметчики, сидящие в колясках, приказ выполнять не спешили, оглядываясь друг на друга и недоуменно пожимая плечами.

Сказать, что-либо лейтенанту больше не позволили, сбив с ног прикладами, заломав руки и заткнув рот солдатским полотенцем. Так его и держали сразу четверо, чтобы не мешал Фрицу объяснять взводу мотоциклистов положение дел.

А Фриц, яростно жестикулируя, демонстрировал пачки марок, изъятые у "ворюг" и тыкал пальцем в сапоги и куртки. Челюсти у мотоциклистов поползли удивленно вниз и отвисли бы до груди, если бы не тугие ремешки касок. А перед ними швырнули чемодан английских фунтов стерлингов, добивая этим фактом окончательно.

– Это что же выходит? Нам тоже положено по сто пятьдесят тысяч марок?– не поверил один из пулеметчиков, уставившись на чемодан с деньгами.

– Приказ Фюрера. Я сам слышал. Штурмбанфюрер врать не станет. Зачем ему врать?

– И где наше жалование тогда?– пулеметчик ткнул пальцем в сторону извивающегося в руках солдат лейтенанта.– Распакуйте ему рот. Пусть скажет,– просьбу его тут же удовлетворили и лейтенант, получив возможность говорить, за-

орал.

– Какое жалование? Идиоты. Нет такого приказа.– Ему снова заткнули рот тряпкой, а пулеметчик кивнул в его сторону.

– Говорит, что нет такого приказа.

– Наши тоже говорили, что не знают о таком приказе, а потом у них в чемоданах и тайниках все нашлось. И обмундирование, и деньги. Все до пфенига,– возразил ему Фриц.– Начали расстреливать по одному и сразу все нашлось. Даже водки русской целый грузовик и английские деньги. Так же и ваши, мерзавцы. Все они скоты на солдатской шее жируют.

– Так-то оно так, но...– пулеметчик снял каску и поскреб в затылке.

– Что "но"?

– Там за нами наш полк идет, чего-то топчется у овражка и еще эти эсэсовцы хохлы. С ними как?

– Объясним!– рубанул Фриц воздух рукой.– Как есть, все расскажем.

– А герр оберст прикажет стрелять и все...– Это что же? Братоубийство?

– Значит, нужно не допустить этого как-то...– уверенности в голосе у Тельмана убавилось.– Нужно арестовать офицеров и рассказать правду всем. А потом видно будет.

– А эсэсовцы? Им, я слышал, вообще жалование пока не платят. Только паек дают.

– И их арестовать вместе с офицерами,– решительно за-

явил Фриц.

– Их два батальона. Почти тысяча человек с отдельными взводами,— с сомнением покачал головой пулеметчик. Без крови никак. Их, правда, и не жалко, "Стрельцов сечевых ", но и они ведь, сколько наших перебыют.

– Тогда что?

– Может, сдадитесь? Герр оберст сам вояка и фронтови-ков любит. Вряд ли он участвует в воровстве. Мимо него это как-то провернули.

– А если нет, если участвует?— Фриц вздохнул тяжело и предложил свой вариант развития событий:

– Предлагаю следующее. Вы едете назад и докладываете, что мы арестовали лейтенанта и требуем парламентаров для переговоров, но парламентаров не только из офицеров, но и из солдат. Делегацию. От каждой роты по человеку. Мы займем оборону на окраине, там у нас система окопов уже есть с траншейками и будем ждать ответ. Офицеры конечно воспротивятся и пошлет кого-нибудь с ультиматумом. Пока то, се. Время выиграем.

– Зачем?— не понял пулеметчик.

– Тебя как зовут? Ганс. Слушай, Ганс, пока они там будут совещаться, вы обойдите все роты и расскажите фронтовым братьям, что тут произошло. Про жалование разворованное. А там посмотрим. За вами вряд ли будут следить. Разбежались быстренько и все рассказали. Пока офицеры будут головы ломать, как нас вразумить и повязать.

– Да мы-то расскажем, только ведь не поверят. Мы вон сами, пока этих английских денег целый чемодан не увидели, сомневались. Не тащить же его с собой, как наглядную агитацию?

– Поверят, не поверят. Там поглядим. Ориентироваться будем на обстоятельства. Мы ведь не против Германии и Фюрера, мы против казнокрадов – офицеров.

– Ладно,– Ганс нахлобучил обратно каску на коротко стриженную белобрысую голову.– Выдвигайтесь! Заводи, поехали,– мотоциклы дружно заурчали и с треском развернувшись, умчались в сторону окраины.

– Батальо-о-о-н! Справа по ротно! Марш!!!– скомандовал Фриц и немцы дружно затопали вслед за упылившими мотоциклистами.

Пока взвод мотоциклистов общался с взбунтовавшимся батальоном, полк замеревший у овражка, пытался восстановить обвалившийся мосток. Всего метров пятнадцать длиной и выглядящий невзрачно, он требовал серьезного ремонта, раз не выдержал и рухнул после того, как по нему прокатились мотоциклисты. Оберст уже думал о том, не двинуться ли дальше пешей походной колонной, тем более, что окраина городка находилась от мостика метрах в пятистах. Овражек же и вовсе, был шириной всего метров десять и препятствием для пешего прохода не являлся.

Однако командир отдельного взвода саперов, заверил его, что срубив пару деревьев его умельцы в течение пятнадцати

минут отремонтируют это убогое сооружение и даже усилят его подпорками.

– Действуйте!– согласился оберст и сел в свой командирский БТР, взглянув на часы.

Саперы забегали с пилами и топорами, как тараканы. Работа закипела и через четверть часа, как и обещал лейтенант, мост был восстановлен, усилен и готов к эксплуатации.

– Выдержит?– оберст с сомнение разглядывал мостовое покрытие, местами зияющее прорехами.

– Должен, герр Оберст. Танк, конечно, нет, но бронетранспортер должен.

Заявил это комвзвода саперов с такой уверенностью в голосе, что оберст, почему то ему поверил и дал отмашку.

Водитель его БТР-а, выжал сцепление и медленно вполз передними колесами на доски мостика. Вполз и замер. Опытному водителю, что-то не понравилось. Он не мог объяснить что, но ехать дальше не спешил.

– Ну! Что встал?– повернулся к нему всем корпусом оберст.

– Что-то мне он не нравится,– пробормотал водитель.– Этот мост.

– Целоваться тебе на нем с девицами не придется,– буркнул раздраженно комполка.– Трогай потихоньку...– водитель взглянул на него с укоризной, и уже было собрался сдвинуть БТР с места, но тут из улочек выскочили мотоциклисты и, проскочив на скорости через восстановленный мост, оста-

новились вдоль обочины, рядом с командирской машиной.

– Стой!– махнул рукой оберст Бурман...– и только что отремонтированный мост, медленно пополз опять в овраг, но уже противоположным своим концом.

– В-о-о-о-т! Икк!– отреагировал водитель радостно.

– Доннер веттер. Где этот болтун с топором заместо головы? Сдай назад,– оберст выскочил из кабины и направился к мотоциклистам.

– Ну, что там?– крикнул он нетерпеливо.– Где лейтенант?

– Герр оберст, первый батальон требует выслать к ним для переговоров представителей полка. И чтобы среди парламентаров непременно было по одному рядовому от каждой роты. Лейтенанта они задержали в качестве заложника,– доложил унтер-офицер, вытянувшись по стойке смирно.

– Они там, что белены объелись? Где офицеры батальона? Тоже заложники?

– Офицеров они расстреляли?

– Что?– не поверил своим ушам оберст.

– Расстреляли, герр оберст. За казнокрадство.

– Т-а-а-а-к!!! Офицерский состав в голову колонны!!!– гаркнул оберст и от машины к машине понеслось: – Офицеры в голову колонны. Офицеры...

Офицеры выскакивали из кабин грузовиков и БТР-ов и неслись бегом к комполка, а взвод мотоциклистов, воспользовавшись тем, что они оказались, предоставлены самим себе, также разбежался по всей колонне, разнося новость, ко-

торая ошарашивала личный состав и вырывала из дремотного состояния.

– Пятьдесят тысяч марок?! Быть такого не может!– реагировало большинство, но всем солдатам полка, по крайней мере, становилось понятно, куда они ехали и понятна, становилась причина бунта собратьев по оружию.

– Сам видел. Все в хромовых сапогах и кожаных куртках. А еще деньги показали. У каждого в ранце по сто пятьдесят тысяч марок. Офицеров расстреляли всех почти, но свое кровное получили,– убеждал белобрысый пулеметчик.– Хотите, верьте, хотите – нет. А еще они нашли у одного офицера целый чемодан фунтов стерлингов. Говорят, что десять миллионов. По миллиону на офицера примерно. Измена явная. Шпионы английские. Сеть. Сам видел. Вот такой чемоданище,– Растопыривал руки белобрысый, и убежал к следующей машине.

– Чего они хотят?– спрашивали его.

– Хотят, чтобы оберст послал к ним по одному солдатику от каждой роты. Ну, чтобы рассказать, как все было и показать деньги. Офицеры вряд ли согласятся на это. В атаку погонят на них.

Тем временем оберст Бурман, собрав офицеров, устроил летучку. Доведя до их сведения требование

мятежников, он пнул передний скат и прошипел:

– Позор. На весссссс Вермахт. Что думаете, господа офицеры?– Офицеры молчали и отводили глаза в сторону.

– Ну, что-нибудь вы все же думаете? Или ветер свищет в мозгах, как у гулящей потаскухи?– рыкнул оберст недовольно.– Вот вы, герр гауптман?– прихватил он за пуговицу мундира командира одной из рот.

– Думаю, что нужно согласиться, герр оберст, с их требованием. Послать к ним переговорщиков и разъяснить, что приказа этого о повышении жалования не было. Что Фюрер не идиот, платить по стольку нижним чинам и тем более обувать их в хромовые сапоги. Нужно подобрать солдат, которые помогут нам. Лояльных и исполнительных. Дисциплинированных. Провести с ними разъяснительную беседу, в которой втолковать доходчиво, что вся эта история с повышенным жалованием – тщательно спланированная провокация врагов. Коммунистов и евреев, которые затесались в наши ряды и сеют раздор.

– Евреев? Раздор? Согласиться с требованием? У кого есть другие предложения и мнения, господа офицеры? Вы, герр майор? – Бурман отпустил пуговицу гауптмана и вцепился в пуговицу майора – командира второго батальона.

– Не соглашаться с требованиями мерзавцев. Если каждый солдат станет требовать у меня финансовый отчет, то это уже не армия будет, а черт знает что. Я и слово подобрать не могу, герр оберст, цензурное. Все почему-то матерщина русская на ум приходит. Предлагаю батальон разоружить, а зачинщиков беспорядка арестовать и отправить в гестапо. Пусть там с ними разберутся.

– Разоружить? В гестапо? Это все?– оберст пристальным взглядом обвел всех присутствующих.– Вы представляете себе, герр майор, как это осуществить? Разоружение? Вон они уже по своим окопчикам разбежались. Ну-ка выковыряй их теперь оттуда. Вы же опытный, боевой офицер. У них тут каждая кочка пристреляна. Или вы думаете, что они стрелять в ответ не станут? Сомневаюсь. У них девять МГ, а от мостика этого, до их окопов чистое поле. Половину этого сброда положат. В лоб не взять. Значит, нужно обходить с флангов, но они и в окружении будут неделю в этих окопах отстреливаться. Авиацией и танками придется долбать и давить. Как вы думаете, господа офицеры, если мы тут половина полка положим в боях со своим же батальоном, белены объевшимся, то куда нас командование потом отправит? Правильно. В дисциплинарную роту в лучшем случае рядовыми. Всех!!! Никто не отсидится за чьей-то широкой спиной. Разбираться долго не будут. Полк расформируют, офицеров разжалуют. Предлагаю следующее. Послать к этим мерзавцам делегацию, как они просят. По рядовому, так по рядовому от роты. Хоть от взвода. А пока они там митингуют, окружить и выдвинуть ультиматум. Сдаться!!! Гарантируя при этом, что наказаны в соответствии с дисциплинарным уставом Вермахта будут только зачинщики беспорядков. Остальных же наказывать не будем, даже марки эти проклятые пообещаем не изымать. Пусть подавятся. Время пока работает на нас, но его немного, господа офицеры. Все

согласны?

– Так точно, герр оберст,– хором согласились с комполка офицеры.

– Смирно! Слушай боевой приказ. Второму батальону выдвинуться на рубеж оврага и занять оборону. Ориентир первый – отдельно стоящая береза, ориентир второй изгиб оврага. Задача – не допустить прорыва в сторону Гомеля. Третий батальон и первый батальон СС "Галичина"– скрытно выдвигаются на левый фланг и охватывают мятежников, используя складки местности и отдельно стоящие здания. По фронту до двухсот метров с охватом с тылу на такую же дистанцию. Оставшийся батальон СС, обходит их справа, охватывая и препятствуя возможному прорыву в этом направлении. Командирам рот выделить по одному солдату в группу парламентаров. Члена НСДАП. Толкового, дисциплинированного и с хорошо подвешенным языком. Пообещать им всем по железному кресту, если батальон разоружится. Прислать их сюда, ко мне. Выполнять,– Офицеры побежали в свои подразделения, а оберст, присев на подножку БТР-а закурил, обдумывая дальнейшие действия.

– Эй, рядовой, у тебя есть чистое полотенце?– вспомнил оберст, что для исполнения парламентарских функций группе понадобится белый флаг.– Доставай. Тоже пойдешь с этими парламентарями. Палку найди, и полотенце к ней привяжи,– водитель полез в кабину за полотенцем, а оберст снова задумался, по привычке шевеля губами:– "Я вам повышу жа-

лование, мерзавцы! Засуну в самое дерьмо. Нажретесь досыта!" – бормотал он. – "Только сдайтесь, только сдайтесь. Половину сразу на фронт, остальных лес прочесывать от партизан этих пархатых. Сгною!" – водитель морщился, привязывая полотенце к пруту. В первом батальоне взбунтовавшемся, у него служил кузен по отцу Фриц Тельман, тихоня и рохля. Водителю было заранее жаль брата и он, сочувствуя ему, обрадовался, что оберст назначил его "знаменосцем".

«Влип Фриц».– думал он.– «Сгноит оберст, раз обещает»,– и желая заранее замолвить словцо за рохлю брата, обратился к Бурману:

– Герр оберст, у меня там в первом брат служит. Недотепистый такой. Тельман Фриц. Двоюродный. Я – Тельман Эрнст, а он Фриц. Герр оберст, он-то наверняка ни при чем. Мухи не обидит. Смирный и исполнительный.

– Тельман? Где-то я уже слышал эту фамилию,– наморщил лоб комполка.– Это не он Рейхстаг поджег в 37-ом, кажется?

– Никак нет, герр оберст. Рейхстаг подожгли коммунисты.

– Да? Зачем?

– Не могу знать.

– Ну да. Откуда тебе – идиоту про это знать,– то ли подумал, то ли сказал оберст.– Ну и чего ты мне тут со своим кузеном?

– Хороший он солдат, говорю. Дисциплинированный,– пояснил Эрнст.

– Учту,– буркнул оберст и, увидев подбегающих солдат рядовых в количестве шести человек, встал с подножки.– Начальника штаба ко мне,– рявкнул он.

Глава 6

Группа парламентаров из восьми человек, размахивая белым флагом, двигалась к окопам мятежного полка от оврага, с перекошенным мостиком. Впереди шагал рядовой Эрнст Тельман, обеспокоенный судьбой брата, сжимая корявое древко.

Навстречу им из траншей выскочили двое – рядовой Фриц Тельман и лейтенант Вильгельм Брот, которого попросили временно побыть за командира батальона. Лейтенант, оставшийся чудом в живых вчера, сегодня сожалел о том, что не рванул под шумок следом за лейтенантом Розенманом. Не нравилась ему эта головокружительная карьера от комвзвода до комбата за несколько часов, почему-то. Отказаться, однако, у него не хватило решимости, когда назначенные командирами взводов и рот унтер-офицеры его об этом попросили. Дружно «попросили», убедительно.

– Не справлюсь, – попытался уклониться от сомнительной чести лейтенант.

– Поможем, – почти хором пообещали унтера. – Вот новенькие сапоги и куртка с майорскими погонами, облачайтесь, герр лейтенант.

– С майорскими не могу. Нарушение устава, – воспротивился лейтенант. – Вы бы еще с генеральскими предложили.

– Есть только с майорскими. С лейтенантскими и гене-

ральскими нет, а перешивать уже некогда,— возразили ему.

— Значит, обойдусь без куртки,— лейтенант натянул новые сапоги и выпрыгнул из окопа. Стоявший в траншее рядом с ним лейтенант мотоциклистов, пролаял ему вслед:

— На вашем бы месте, лейтенант Брот, я бы застрелился.

— Застрелиться я всегда успею,— резонно возразил ему тот.— Посмотрим куда эта кляча кривоногая, которую все называют фортуной, вывезет сегодня.

Парламентеры встретились точно посередине. Старшим в группе, представляющей оставшийся полк, был начальник штаба полка майор Шпенгер. Он козырнул и, сурово сведя брови над переносицей, первым нарушил молчание.

— Герр лейтенант, будьте любезны объяснить, что это за виражи выписывает первый батальон на радость врагам Рейха?

— Герр майор,— лейтенант недоуменно поднял брови.— Дело в следующем, герр майор, что я тут нахожусь в качестве елочной игрушки. По принуждению. И в чем дело знаю не больше вашего. Рядовой состав вчера был проинформирован кем-то. Ориентировочно, проезжавшим мимо на лошади штурмбанфюрером СС, что получен приказ Фюрера о повышении жалования для рядового состава. Штурмбанфюрер устроил выволочку рядовому Фрицу Тельману, вот ему, за нарушение формы одежды при несении караульной службы, да и был таков. С этого все и началось. Батальон потребовал выполнить этот приказ командованием батальона, но испол-

няющий обязанности комбата гауптман Мольтке и он же комендант, застрелился на глазах у солдат, не пожелав ответить на вопросы. Или наоборот. Сначала застрелился, а потом его попросили ответить на вопросы. Вот с этого все и началось, герр майор. Офицеров расстреляли и нашли в их личных вещах именно ту сумму, которая соответствует арифметическому подсчету.

– Офицеров всех расстреляли?– восторженно спросил майор.

– Нет, герр майор. Трех не расстреляли. Лейтенанта Розенмана, меня и обер – лейтенанта Шпенгера.

– Слава Богу. Обер-лейтенант мой племянник. Что с ним?

– Его посадили на кол,– вильнул глазами лейтенант Брот.

– Как?!

– Голым задом. Натерли кол салом и...– лейтенант махнул рукой, укоризненно взглянув на Фрица.

– О, Боже, что я скажу его отцу? Бедный мальчик. Выясню, чья была инициатива и лично расстреляю мерзавца. Не-е-т... Также на кол... На тот же самый,– майор оскалился и вытер рукавом набежавшую на глаза скупую слезу, а стоящий напротив него Фриц, закусил ремешок каски и лицо у него побледнело.

– Что тут у вас, Фриц?– обратился к нему кузен Эрнст.

– Всё как сказал герр лейтенант,– кивнул Фриц и лязгнул зубами.

– Что это тебя трясёт?– посочувствовал ему Эрнст.– Уж не заболел ли?

– Это после вчерашнего. Русская водка. По бутылке на брата, – Фриц вымученно улыбнулся.

– По бутылке?– завистливо переспросил кто-то из парламентариев.– Эх! Где взяли?

– На складе у коменданта Мольтке. На его личном складе. Пятнадцать ящиков.

– Что ты несешь, рядовой?– уставился на него майор.– Какой еще к чертям собачьим личный склад? Герр лейтенант?– Лейтенант развел руками:

– Обнаружили, герр майор, ваш племянник и указал местоположение склада этого. Он же и два мешка с марками и чемодан с английскими фунтами отдал,– подтвердил лейтенант.

– Какие еще фунты, к свиньям?– взревел майор возмущенно.

– Вот эти,– Фриц вынул из кармана новенькую пачку английских фунтов и протянул ее майору,– почти десять миллионов. Здоровенный чемодан. Принести?

– Несите,– кивнул майор. Фриц повернулся в сторону окопов и махнул рукой. Из них тут же выскочили два солдата и, подхватив выброшенный на бруствер чемодан, потащили его к группе парламентариев. Отброшенная крышка чемодана произвела на майора и рядовых впечатление неизгладимое. Никто из них не видел столько денег одновременно никогда в жизни, и поэтому тарасились все, приоткрыв рты, на ровные бумажные брикеты, как на диво.

– Да-а-а,— протянул Эрнст, присев на корточки и взяв в руку новенькую пачку.— А марок сколько?

– Марок сорок пять миллионов с мелочью,— не моргнув, ответил Фриц, оправившийся от испуга.

– И где они?

– Выдали, как положено. Вот ведомость,— Фриц протянул бумаги майору.— Прощу, герр майор.

– Что ты мне их суешь?— заорал тот, отстраняя его руку.— Я не верю, что мой племянник предатель. Он член НСДАП с 1939-го. Ему железный крест лично вручал Фюрер. Он не мог так поступить.

– Факты говорят об обратном, герр майор. С ними не поспоришь,— возразил ему Фриц.

– И что теперь, вы намерены предпринять? Хотите чего?— майор взял ведомости из протянутой руки Фрица.

– Мы хотим ясности. Справедливости. И за это готовы лечь в этих окопах все...

– Зачем лечь? Мы сейчас вернемся и доложим командиру полка. Предъявим ему этот чемодан. Пусть принимает решение,— майор махнул рукой и, ссутулившись, повернулся спиной к Фрицу.— Взять чемодан и шагом марш за мной,— не оглядываясь, распорядился он и зашагал к овражку, вдоль которого, на указанных рубежах, уже окапывался торопливо второй батальон.

– Что это вы там прете в чемодане?— встретил их вопросом комполка.

– Английские фунты, герр оберст. Обнаруженные, якобы у офицеров батальона рядовыми, – доложил начальник штаба.

– Фунты? Откуда в России фунты? Зачем? Рубли – еще куда ни шло... А фунты... Сколько?

– Сказали, что почти десять миллионов. Я не пересчитывал, герр оберст, – скривился майор.

– А что так мрачно, герр майор?

– Они расстреляли почти всех офицеров, а обер-лейтенанта Пауля Шпенгера казнили, посадив на кол.

– Вашего племянника? Как? – опешил оберст.

– Как? Задницей голой, говорят. Натерли кол салом свиным, мерзавцы.

– Примите, герр майор, мои искренние соболезнования. Такое горе в семействе. Какого парня потеряли. Герой. Сам Фюрер крест вручал. Гордость нации. Они ответят за это скоты. Я вам обещаю, герр майор.

– Я уже им пообещал, что инициатора этой варварской казни посажу на тот же кол. Пауля сниму, а его посажу.

– Согласен с вами абсолютно. Око за око, как где-то сказано.

– В Библии, герр оберст.

– Да-а? Правильно сказано. Натянем негодяю око на задницу и посадим на кол. Что хотят эти мерзавцы?

– Справедливости требуют. Говорят, что ясности хотят и будут за нее воевать.

– Ясности? Какой? Расстреляли офицеров без суда и следствия, как эти дикие янки. Как там у них суд этот называется?

– Суд Линча, герр оберст.

– Да, Линча. А Германия цивилизованная страна. Самая цивилизованная. Вернитесь и предложите им сложить оружие. Время на обдумывание дадим полчаса. Через полчаса открываем огонь на поражение. Выполняйте! Рядовые, в свои подразделения бег-о-о-ом. Марш!

Майор в сопровождении водителя с полотенцем, вернулся назад и сообщил подошедшим Фрицу и лейтенанту решение командования.

– Ультиматум значит, без гарантий, – помрачнел Фриц.

– Какие гарантии? Вы все преступники. Вы, обнаружив казнокрадство, обязаны были доложить об этом вышестоящему начальству, а не творить суд и расправу по собственному произволу, как этот русский бандит в 20-х годах, Махнёв кажется. Вы, рядовой, повели себя вчера как махнёровцы. За это придется ответить. И по дисциплинарному уставу Вермахта, и по уголовному законодательству Германии. Полчаса вам отпущено на обдумывание ультиматума, затем приступим к разоружению силой. Открываем огонь. Советую, очень советую, сдать. Арестовать самим зачинщиков и выйти с поднятыми руками. Время пошло, – щелкнул майор ногтем по стеклу циферблата часов и, козырнув, резко повернувшись, зашагал прочь.

– Фриц, сдавайтесь,– прошептал Эрнст кузену.– Может, отделаетесь маршевыми ротами. Капут вам всем здесь. Пока мы туда-сюда ходили, вас уже обошли с флангов эсэсовцы эти недоделанные. Клещи! Понимаешь? Или бегите.

– Куда, Эрнст? Мы не сдадимся. Так решило большинство. Нам обидно понимаешь? Что нас держат за бессловесную, покорную скотину и гонят на убой. Мы не скот, Эрнст. Мы люди. Дело не в деньгах. Посмотрим, сколько желающих същется сдать. Никого держать насильно не будем. Герр лейтенант, можете не возвращаться в окопы. Уходите вместе вот с ним. Мы вас принудили, так и объясните. Возможно, что разжалуют, но живы останетесь,– лейтенант, который всего десять минут тому назад, заявил, что он всего лишь "елочная игрушка", по прихоти великовозрастных идиотов, выставленная на обозрение, мрачно нахмурился и отрицательно мотнул головой:

– Нет, я останусь с вами. Я солдат, Фриц, и умру солдатом. А не мерзавцем, купившим себе жизнь ценой жизни других,– лейтенант повернулся и выругался так затейливо, что Эрнст Тельман уважительно крикнул.

– Ну что же, "махнёр", прощай. Может, не доведется больше свидеться на этом свете, но обещаю тебе, что пуля, которая тебя убьет, будет выпущена не из моей винтовки. Я буду стрелять в воздух,– попрощался с кузеном Эрнст.

– Спасибо, брат,– Фриц обнял Эрнста и зашагал вслед за лейтенантом, отмахиваясь от назойливого воробья, вертя-

щегося у него над головой.— Кыш, зараза, вот привязался. Я пока еще не труп,— Филя увернулся от взмаха и взмыл вверх.

— Полчаса им дали всего на размышление,— докладывал он минуту спустя на чердаке.— Двадцать четыре минуты уже осталось.

— Как он их обозвал?— Мишка навел бинокль на овражек.

— Махнёрами. Сказал, что был такой у русских в 20-м бандит — Махнёр.

— Батько Махно, наверное. Дурак этот майор. Слышал звон, да не понял где он.

— Задавят их за час. Максимум за два,— предположил Серега.

— А что там за эсэсовцы с ними?

14 Waffen – Grenadier – Division der SS "Galizien".14-я Ваффен – гренадерская дивизия Войск СС. «Галичина»-1–я украинская, добровольческая.

— Надо же. Разве они уже были? Я думал, что эти орлы только в 43-м появились.

— Весной сорок третьего получили официальный статус дивизии. А пока обкатку проходят, на лояльность оккупационному режиму в составах отдельных батальонов и рот. В основном применяются, как полицейские войска. Против партизан.

— Два батальона их?

— Да, но развернутые. До штата военного времени. До двухсот человек в ротах. У немцев штат сокращен в полови-

ну.

– Тысяча двести человек значит?

– Если точно, то одна тысяча четыреста сорок два человека. Там есть отдельная саперная рота еще и взвод минометчиков, – прочирикал Филя.

– Вооружение?

– Стрелковое. Даже минометный взвод так только называется, но минометов у него нет. Пока.

– Две с половиной тысячи против трехсот "махновцев". Восьмикратное превосходство. Похоже, что ты прав, Серега. Задавят за час. Тем более, что в немецком полку минометы есть и в достаточном количестве. Вон уже приготовились стрелять. Минами закидают батальон, – Мишка прослушал еще раз запись разговора Фрица и Эрнста. – А у мужиков-то, похоже, чувство собственного достоинства проснулось. Ишь ты, "мы люди". Придется помочь. Как ты считаешь, Серега?

– Мне тоже за них что-то обидно стало. Загнал их бесноватый фюрер сюда на погибель. Да еще на жаловании экономит, сволочь. Что там видно?

– Там, как и обещал Фриц, все желающие отваливают. Человек двадцать подалось к мостику.

– Может быть, они все сдадутся?

– Посмотрим. Времени пятнадцать минут еще осталось. Та-а-к. Еще четверо выскочило на бруствер. – За оставшиеся пятнадцать минут к мостику из траншей "махновцев" ушли еще сорок человек.

– Пятая часть. И главное что? Снимают куртки и сапоги хромовые. Та-а-к. Там их сразу разоружают и гонят под конвоем в хвост колонны. Доверия нет, стало быть. И разбор полетов предстоит им вдумчивый, у следователей гестаповских. Или кто там занимался Вермахтом? СД? СА?

– Нет. Это вроде бы разведка и контрразведка. Филя, справку.

– Войсковая полиция – СД. Это гестапо и есть, – выдал Филя.

– А ты "разведка, контрразведка". Молчи, за умного сойдешь.

– Сам дурак. Что там видно?

– Да ничего особенного. Сейчас обстрел начнут, – разрывы мин на окраине городка заглушили последние Мишкины слова и Серега, затушив аккуратно сигарету, тоже взял бинокль.

– Что-то стреляют хреновато. Тебе не кажется?

– Хреново. Вон недолеты какие. Попаданий в траншеи "махновские" нет пока ни одного. Теперь перелеты пошли.

– Пристреливаются?

– Нормальному минометчику одного пристрелочного за глаза, при такой дистанции. Все последующие положит в десятку.

– Что же они? Или жалеют своих?

– Ага, сейчас! Каждый за свою задницу трясется. Ветер там над окопами порывистый очень, – Мишка щелкнул паль-

цами и, несколько мин снесло почти обратно на позиции второго батальона.

– Ну, ты я смотрю, дунул от души,– рассмеялся Серега.

Минут десять минометчики еще посоревновались с ветром, но когда несколько мин, описав замысловатые кривые, рванули между головной машиной и стоящей следом за ней, стрельбу прекратили. Четыре свежие воронки, красноречиво уличали их в неумелой стрельбе, а оберст размахивал парабеллумом и что-то зло на них орал, приподнявшись на колени.

Затем он начал орать что-то радисту, который присев рядом с ним, передавал его команды, зашедшим с флангов батальонам.

– Ну, вот и начинается второй акт пьесы. На левом фланге третий батальон и эти козлы вперемешку, а вот на левом одни козлы. Эти с радостью перестреляют немцев. Во, поперли в атаку,– прокомментировал Серега.

Немцы, перемахнув овражек, короткими перебежками устремились вперед, но вынуждены были, попав под кинжальный огонь девяти пулеметов "махновцев", отползти обратно. Трупов, однако, лежащих не осталось, а это означало, что "махновцы" стреляли не прицельно.

– Лобовая, конечно, отвлекающая была. Сейчас в овражке залягут, и будут имитировать перестрелку, а тем временем эсэсовцы из 1-ой украинской, подползут поближе и гранатами закидают,– предсказал дальнейшие действия наступ-

пающей стороны Мишка.

– Хрен они подползут поближе. Лейтенант не дурак. У него на флангах бойцы с пулеметами ждут. И гранаты у них тоже есть.

– Вон за теми домиками сосредоточатся и ломанут.

– Это отсюда кажется, что рядом, а там метров пятьдесят открытого пространства. Весь батальон могут положить. Вернее оба. Тем более, что хохлов немцы тоже жалеть не будут. Мочить будут безжалостно. Но задавят все равно. Численное превосходство, блин. Может мне на Верке там крутнуться?

– Как это "крутнуться"?– взглянул вопросительно на друга Мишка.

– Обыкновенно. Выскочу и слегка порубаю 1-ю украинскую "Рапирой". Кто в живых останется, потом долго будет вспоминать.

– Не нарубался что ли еще?– Мишка пожал плечами.– Гауптштурмфюрер на вороном коне с "Рапирой". Это круто конечно!

– Ну, уж нет. Форма эта нахрен мне не нужна. Я уж лучше монахом приоденусь и шлем с забралом обязательно. Пуля-то дура,– Серега принялся стаскивать с себя эсэсовскую форму. И не успел Мишка его остановить, как уже спрыгнул с чердака и принялся вытряхивать из "Трояна" амуницию.

Глава 7

– Погоди,– Мишка спрыгнул следом.– Я где-то читал, что немцы в эту 1-ю украинскую насильно пацанов восемнадцатилетних загоняли. Буквально на улицах хватали и в казармы, а там обрабатывали как надо. В общем, жалко идиотов. Ты же там мясорубку устроишь сейчас.

– Хорошо, рубить не буду. Стволы порежу слегка и по головам настучу,– Серега опустил забрало и подмигнул Мишке.– Жаль, с "рапирой" я бы смотрелся гораздо романтичнее. Ну, я на правый фланг.

– Давай. Тогда я на левый,– Мишка тоже содрал с себя эсэсовскую форму и принялся переодеваться.

– Не выдержал?

– Нет, я буду сидеть на чердаке, и смотреть как ты "Галитчину" шинкуешь.

– Я же обещал, что без летального исхода,– огрызнулся Серега.

– Но-о, родимая, застоялась?– Лерка повернула голову, одновременно срываясь с места.

– Никак нет, герр штурмбанфюрер. Я тут такой материал отсняла, просто блеск. Оскара точно можно хапнуть,– сообщила она.

– Что за материал?

– О-о-о! Тут такой паучок мне симпатичный попался.

Шустры-ы-ы-й. А как он охотится! Как восполняет энергозатраты! Мой фильм – это прорыв в аранеологии. Всего в мире известна 41 тысяча, а в России 2888 видов пауков. Я открыла 2889-ый в России и 41001 в мире. Проанализировала все известные виды, сравнила характеристики. Такого паучка там нет. Полосатенький такой. Нобелевская премия однозначно, герр штурмбанфюрер. Может, сделаем заявку? – Славы захотелось? – хмыкнул Мишка.

– Нет. Зачем мне она? Поделиться хочется с людьми радостью.

– Конечно. Ох, как они обрадуются, что на один вид пауков стало больше. Объявят праздничный день по этому поводу. 41001-ый – это же не хрен собачий. Кончай трепаться, отвлекаешь.

Два всадника на вороных конях, выскочившие на правом и левом фланге мятежного батальона, произвели некоторое замешательство у готовящихся к атаке батальонов немцев и эсэсовцев-украинцев. Солдаты перестали переползать, уставившись на вставшую, на дыбы кобылу. Но когда Серега, размахивая сверкающей полоской стали, поскакал вдоль залегших гренадеров и принялся, первым ударом рубить оружие, а вторым ударом глушить их, они начали стрелять. Удивляясь тому, что всадник не валится из седла при выстрелах в упор. А Серега, рубил очередную винтовку, превращая ее в бесполезное железо и оглушив хозяина, скакал дальше, приводя уже в ужас и суеверный страх украинских "доброволь-

цев". Они пытались прятаться от него в домишках и Сереге приходилась, спешившись, следовать в дом, чтобы угомонить очередного «сечевика».

– Это уже и не война, а игра в прятки,– ворчал он, выходя из очередного дома, где от него спряталось сразу четыре человека.– Здесь я удачно зашел,– в него летели из-за углов ручные гранаты и, взорвавшись под ногами у Верки, визжали разлетающимися осколками.

– Вот козлы,– ругался Серега, перескакивая через свежую воронку.– Хорошо, что народ весь в лес подался.– На левом фланге почти так же обстояли дела и у Мишки. Он носился, рубя оружие и глуша гренадеров, которых с этой стороны было в два раза больше и растянуты они по фронту соответственно были гораздо шире. Все остальное было идентично. Игра в прятки, которые начались, когда половина батальонов оказалась вырубленной и не дееспособной.

Стрельба практически с обеих сторон прекратилась. Немцы, лежащие в овражке, открыв рты, пялились на носящихся всадников с саблями в руках. Даже комполка оберст Бурман, схвативший бинокль и рассматривавший в него человека в черном, на вороной же кобыле, приоткрыл рот и растерялся. А эти, непонятные и от того страшные кавалеристы, в считанные минуты разделившись с тремя батальонами, развернули лошадей и понеслись к оврагу, остановившись от мостика метрах в пятидесяти. Затем, один из них, поднял руки и, махнув ими в сторону колонны автотранспорта, швыр-

нул в нее огненный шар. Шар вихрем пронесся от головного БТР-а до грузовика стоящего в самом хвосте, охватывая колонну пламенем. Грузовики и бронетранспортеры, запылали, вспыхнув все одновременно. А человек в черном, метнул новый шар, который прокатился по овражку, сжигая попутно мосток и заставляя гренадеров бежать от него в разные стороны в панике. А то, что произошло дальше, заставило многих немцев упасть на колени и завывать, вспоминая забытые молитвы. Вся горящая колонна одновременно начала подниматься в воздух, медленно, но зримо. Она ползла к августовским облакам, полыхая и чадя.

Гудело на ветру пламя, сыпалось какое-то имущество из кузовов, гремя при падении на дорогу. И гудел клаксон непрерывно и заливисто, в одном из грузовиков. Люди замерли. Даже оберст, перекрестился, помянув мать Божию, и вытаращился на грязные днища грузовиков, зависшие уже метрах в стах, над дорогой. А колонна продолжала подниматься все выше и выше, превращаясь на глазах у наблюдающих за ней в перелетную стаю, сюрреалистичную. Дымящую и полыхающую.

– Так я уже делал, здесь же в Мозыре. Только зимой и колонна была поменьше, – вспомнил Мишка.

– Ты ее что, собираешься на 3 километра поднять? – заинтересовался Серега.

– Делать мне больше нефиг. Хватит, – Мишка резко опустил руки вниз. И колонна рухнула, вся одновременно, на-

бирая ускорение. Грузовики, как горящие самолеты с воем врезались в землю, разлетаясь на тысячи обломков. Рвались бочки с горючим, бензобаки и скакали, раскатываясь в разные стороны, запасные скаты. В течение минуты дорога превратилась в огромную свалку, искореженной и горящей техники. Этого зрелища вынести почти никто не смог. Немцы разбегались в разные стороны, охваченные паникой. Бросая оружие, они мчались вдоль горящего оврага к лесу, в котором /как им казалось/ можно скрыться от ужаса, охватившего их.

На месте остался только батальон "махновцев", сидящий в траншеях. Мятежники сняли каски и с обнаженными головами, молча смотрели на то, как бегут с поля боя остатки их полка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.